

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
А.С. ПУШКИНА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 02031351
Губиной Елены Юрьевны

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
Липич В.В.

БЕЛГОРОД 2019

Оглавление

Введение.....	3
ГЛАВА I. ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ	
1.1 Тема Востока в русской литературе I половины XIX века.....	6
1.2 Культурологические основания активизации интереса А.С. Пушкина к восточной теме.....	10
1.3 Функционирование восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина.....	15
ГЛАВА II. ЖАНРОВАЯ ПАЛИТРА ВОПЛОЩЕНИЯ ТЕМЫ ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА	
2.1 Восточные мотивы в поэме «Кавказский пленник».....	24
2.2 «Восточный колорит» в произведениях «Бахчисарайский фонтан» и «Фонтану Бахчисарайского дворца».....	37
2.3 Восточные мотивы в лирике А.С. Пушкина.....	44
ГЛАВА III. КОРАНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА	
3.1 А.С. Пушкин и Коран.....	52
3.2 Восточная тематика цикла «Подражания Корану».....	55
3.3 Интерпретация восточных мотивов в стихотворениях А.С. Пушкина «Пророк» и «Стамбул гяуры нынче славят...».....	61
Заключение.....	68
Библиографический список.....	71
Приложение.....	77

Введение

В 2019 году дата рождения Александра Сергеевича Пушкина является юбилейной. Прошло 220 лет. Однако великий русский поэт продолжает оставаться нашим современником. Быстротекущее время не удаляет, а приближает к нам светлый мир пушкинской поэзии. И этот волнующий мир по–своему открывают для себя все новые поколения во всем мире [Алексеев: 1987, 3].

Знакомясь с творчеством А.С. Пушкина, можно увидеть много произведений восточной тематики, которые занимают огромное место в литературе. Безусловно, это говорит о большой заинтересованности и об увлечении поэта Востоком. Несмотря на то, что работ и исследований, посвященных этим сочинениям достаточное количество, интерес к данной теме сохраняется, и вопросов меньше не становится. Почему Восток так привлекал Пушкина? Что он значил для него? Какие восточные образы больше всего пришлись по душе поэту? В каких произведениях наиболее ярко выражено желание Пушкина запечатлеть восточные мотивы? Данные вопросы являются одной причиной, побудивших нас рассмотреть тему восточных мотивов в творчестве замечательного русского поэта.

Концепт «Восток» интересует исследователей с давних времен и в разных областях литературы, истории, политики. В настоящее время он содержит в себе особый смысл и характер, при этом оставаясь важнейшей геополитической темой в России. Безусловно, это связано с напряженными международными отношениями, отношениями с мусульманскими регионами и темой Кавказа в целом. Общий интерес современного литературоведения к данной теме очевиден.

Актуальность данной работы состоит в том, что тема Востока в русской литературе, основоположником которой был А.С. Пушкин, стала занимать в настоящее время все большее место в гуманитарной науке,

расширяя круг проблем и писательских персоналий и являясь при этом неотъемлемой частью общего культурного процесса.

Объектом исследования являются произведения А.С. Пушкина, в которых наиболее ярко представлены тема и образы Востока («Бахчисарайский фонтан», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Кавказский пленник», «Соловей и роза», «Пророк», «Стамбул гяуры нынче славят...», «Подражания Корану» и др.).

Предметом исследования являются восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина.

Цель дипломной работы состоит в рассмотрении восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина, выявлении их эволюции и особенностей воплощения в произведениях поэта.

Для достижения поставленной цели предполагается постановка и решение следующих исследовательских **задач**:

- рассмотреть культурологические основания творческого обращения последующей активизации интереса А.С. Пушкина к восточной теме;
- выявить особенности воздействия литературы Востока на творчество А.С. Пушкина;
- изучить тематику и динамику восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина;
- исследовать проблему: Россия и Восток в произведениях А.С. Пушкина;
- проанализировать влияние восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина на русскую литературу.

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении существующих в пушкиноведении исследовательских результатов и наработок, посвященных теме Востока в творчестве А.С. Пушкина.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования в школьном курсе изучения литературы, а также при проведении тематических внеклассных мероприятий.

Методологической основой исследования являются научные труды В.С. Непомнящего, И.З. Сурат, Д.Д. Благого, В.И. Коровина, Д.И. Белкина, Л.А. Тартаковской, Н.М. Сперанского, Е.П. Чельшева и др.

В ходе решения поставленных задач в работе использовался комплекс таких исследовательских **методов**, как культурно-исторический, сравнительно-исторический, типологический.

Структура исследования. Дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения в форме юбилейного мероприятия, посвященного 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Апробация. Промежуточных результатов нашего исследования были представлены в докладе на XI Международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог - 2019: проблемы истории и филологии».

ГЛАВА I. ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

1.1 Тема Востока в русской литературе I половины XIX века

XIX век неспроста называют «Золотым веком» русской литературы. Именно в этот период создавались величайшие произведения, которые впоследствии стали творческими шедеврами во всем мире. Это время, в котором сформировался русский литературный язык. Именно в первой половине XIX века складывались и формировались основы будущего литературного процесса [Шаврыгин: 1996, 51].

Рассматривая взаимоотношения России и Востока в историческом срезе, мы видим, что они берут начало в далеком прошлом, во многом, безусловно, завися от внешних и внутренних факторов. Неподдельный интерес сторон друг к другу очевиден. Одним из его основных ведущих и неоспоримо – определяющих доказательств является исторический факт. На протяжении всей истории вечной и верной ее спутницей была и остается литература. Культурологические, культурные, политические взаимоотношения всегда находили отражение в литературном процессе, который был непрерывен и просвещал читателя, знакомя с важными моментами, характерными определенному времени и эпохе.

В начале XIX века в русской литературе еще господствовала эпоха классицизма со своими требованиями и течениями. Восточные мотивы не укладывались и не подходили под нормы, соответствующие этому художественному стилю, поэтому и находили своеобразное, субъективное, где-то даже и выдуманное отражение в литературе.

Очевидно одно, что интерес России к Востоку был колоссальным и ассоциировался, в первую очередь, с Кавказом. Причинами этого интереса были географическое расположение по соседству, политические и экономические отношения. Как мы знаем, на начало XIX века приходится

расцвет во всем: в торговле, в образовании, в архитектуре, во всей культуре, в военной системе и, безусловно, в литературе.

Россия стремительно занимается налаживанием экономических отношений, которые неразрывны с социально–политической картиной внутри страны. Восток – очень богатый своими дарами и желанный партнер, поэтому очень интересовал нашу страну, снабжая ее своей продукцией. Все, что доставлялось из восточных стран, и люди, осуществляющие торговлю и ведущие диалог с русскими, безумно привлекали к себе внимание. Необыкновенная сказочно – красивая одежда, мелодичный язык, манеры, интересные вещи – все было необычно и интригующе в этих людях со своими обычаями, своей культурой и традициями. Несомненно, этот огромный интерес нашел отражение в русской литературе и во всем литературном процессе этого времени. Его мы также можем проследить во всем историческом аспекте развития русской литературы. И все – таки чем же, в первую очередь, был обусловлен такой жгучий интерес России к Востоку?

К сожалению, для истории нашей страны первой половины XIX века характерны очень печальные события. Именно на этот период времени, с 1817–1864 годы, приходятся годы длительной жестокой и беспринципной войны. Во все времена основным аспектом политики было укрепление или расширение государственных границ. В рассматриваемом периоде Грузия объединилась с Россией, поэму и заговорили границах нашей страны. Поскольку Восток расположен по соседству с Россией, этот вопрос безопасности стоял остро, находясь в статусе наиболее важного. После Россия активно вела деловые переговоры с соседствующими странами Востока, но компромисс не был найден. Результатом этой неудачи и стала война.

Дагестан, Чечня, Адыгея оказались потенциальными врагами России, которая активно и всячески пыталась укрепить свои границы в этих странах. Исламский народ Кавказа и Закавказья не замедлил с ответом, и объявил

войну против русских, которую называли «газават» [Гамзатов: 1996, 73]. Эта война, как и всякая другая, унесла огромное количество жизней, как простых людей, выходцев из народа, так и представителей интеллигенции – светлого будущего, талантливых мыслителей нашей державы.

Вернемся к литературному процессу. В 1800 – 1810 гг. Тема Востока уже была обозначена в журналистике и в русской художественной литературе. Уже в 1820 – 1830-х годах эта тема является самой главной, востребованной и актуальной. Не утихает ее популярность вплоть до 1861 г., т.е. и в русской литературе романтизма. Именно исторические факты и сопутствующие моменты стали причиной такого пристального внимания к теме Востока в русской литературе. Заметим, очень важным обстоятельством является то, что истинное отношение людей к Кавказской войне формировалось на основе их познаний, почерпнутых из художественной литературы, содержащей восточные мотивы и образы. Кавказ значительно повлиял на творчество таких известных поэтов и писателей, как А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой и многих словесников – декабристов. Это волшебная культура манила своей неизвестностью и тайной. Восток оставил глубокий след и в творчестве, и в личной судьбе, и в характере этих людей [Черкасский: 1991, 129].

Многие исследователи рассматривают этот исторический период Кавказской войны на примере художественных произведений, потому что именно там широко, открыто и непредвзято показан Кавказ, мусульманский народ, традиции, обряды и культура этих стран, отношение русского человека ко всему восточному. В них также ищут причины начала этих горьких событий. Разумеется, русские писатели в своем творчестве более широко и глубоко рассматривали проблему взаимоотношений России и Востока, выражали свою позицию по этому поводу, которая была близка читателю и формировала его мнение и оценку происходящему [Аникин: 1997, 85].

Об одном факторе возникновения интереса к теме Востока мы поговорили и убедились в его историчности. Не менее глобальным и значительным является второй фактор – эстетический. В 1820–х годах в русской литературе активно формируется романтизм. Мы знаем характерные черты и особенности этого стиля, который представил взору читателя Кавказ как таинственный, загадочный мир, безудержный, отважный и свободный край. Именно таким он запечатлен в художественной литературе.

Русские романтики показали Кавказ во всей красе на страницах своих творений. Следует отдать должное человеку, который, как никто, смог показать все реалии Кавказской войны, культуру и нравы этого дикого края, обычаи и традиции свободолюбивых горцев и всего мусульманского народа. Конечно, это молодой энергичный Александр Сергеевич Пушкин. «В его творчестве мы видим зарождение и развитие романтизма, который помог не только увидеть настоящую картину Кавказа, но и прочувствовать ее, проникнуть в самое потаенное, в самый дальний уголок души, и оставить след в сердце даже самого скептического читателя и слушателя» [Аникин: 1997, 87].

Романтизм стал той самой доминантой, которая определила Кавказскую войну в русской литературе как образ, а также ее героя в различных жанрах. Эта тема в творчестве писателей и поэтов выражалась как главная и основная проблема сопоставления и сравнения двух миров: русского и нерусского, своего и чужого. Эти произведения наполнены глубоким уважением и интересом к другому краю, другим народам, к их культуре, к их земле. Мы видим расположенность и даже симпатию к людям, с которыми воюет Россия. Оказывается, что они не хуже других народов. У них свой менталитет свободолюбивого человека, защищающего свой дом, свою семью, свою землю. За что их осуждать? Они просто не хотят порабощения. Это нормально и естественно. Таким образом, романтизм показал истинную картину Кавказа, настоящее положение дел, образ горца, в сочетании восточных мотивов [Айрапетов: 1988, 64].

1.2 Культурологические основания активизации интереса А.С. Пушкина к восточной теме

Тема Востока знакома А.С. Пушкину еще с лицейской поры. Она привлекала его в то время, как и многих других. Он читал много различной тематической литературы, в которой содержались исторические факты разных народов, описывались их нравы, легенды, мифы, предания. В этой литературе говорилось и о разных народах, и об образовании восточных стран, и о правлении императоров, любимых и почитаемых своим народом. Несомненно то, что юный Пушкин был очарован. В его воображении рисовались картины прошлого неизведанной культуры, со слов других. Образ идеального правителя, который справедлив, радеет за своих подданных, против кровопролития и за мирное решение, всегда его привлекал и был интересен ему. Огромное влияние оказала на Пушкина «книга профессора И.К. Кайданова «Руководство к познанию всеобщей политической истории». В ней описывалось правление до Кира Великого и после него, рассматривалась культура и политика Персии»[Брагинский: 1974, 7]. Как мы знаем эта историческая личность сопереживала народу и пыталась донести до правителя такие качества, как человеколюбие, справедливость, чтобы люди не бедствовали, не скитались по свету, нищенствуя, а жили в своем крае счастливо.

В связи с растущим интересом к теме Востока, все больше словесников обращается к этим мотивам. Появляются разнообразные переводы, словари. Очень популярным был персидско – русский словарь Д.П. Ознобишина. Литераторы отдали ему предпочтение. Мы думаем, что А.С. Пушкин также был знаком с этой книгой, поэтому она также оказала определенное влияние на поэта. В ней находились переводы поэтов Ирана, и что немаловажно, были и переводы Хафиза, который оставил неизгладимый след в душе А.С. Пушкина и отразился в творчестве поэта. Мы помним, что большое значение в распространении информации, всего нового, интересных переводов,

описания событий, происходящих на Кавказе, имели журналы, альманахи, популярные в это время. «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Московский вестник», «Северная лира», «Русский зритель», «Соревнователь» – это лишь некоторые популярные издательства, освещающие тему Востока, его культуру, литературу [Брагинский: 1974, 13].

В начале всех драматических событий на Востоке. Он казался страшным, грозным. Его боялись, потому что он был непредсказуем во всем. Воинственные, жестокие, бездушные горцы – такая складывалась картина видения у читателя. Чтобы проверить так ли это, надо было увидеть этот край своими глазами, чтобы достоверно говорить о нем. Первым заговорил об этом Н.М. Карамзин в своих крупных изданиях «Письма русского путешественника», «История государства Российского». В этих книгах прослеживалась мысль о неповторимости каждой культуры, об ее особенностях, о схожести культур или дополнении друг друга. Мы знаем, каким по значимости и весомости был этот человек, какое значение в литературе имело его творчество. Таким образом, Н.М. Карамзин смог повлиять на общее мировоззрение, аккуратно и дипломатично показав другую культуру, ничуть не хуже культуры России, а просто являющуюся культурой своей страны, волшебного края Востока [Брагинский: 1974, с.27].

Идеи Н. Карамзина нашли свое продолжение в творчестве А.С. Пушкина. Этот факт является очередным среди оснований активизации интереса Пушкина к Востоку. Также немаловажным является момент увлеченности книгой сказок «Тысяча и одна ночь». В дальнейшем А.С. Пушкин стал «одним из первых русских поэтов, побывавших на Кавказе»[Лотман: 1983, 42].

Путешествие на «Кавказ было» мечтой Пушкина с юных лет. Поэт знал о Кавказе из бесед с лицеистом Д. А. Эристовым (Эристави), армянской семьей Абамянов, из обширной художественной и научной литературы.

Крутой перелом в жизни А. С. Пушкина связан с его южной ссылкой 1820 года. Поводом для высылки Пушкина из столицы послужили его

вольнлюбивые стихотворения и политические эпиграммы, которые распространялись в рукописях. По – видимому, именно к этим произведениям относятся слова Александра I, сказанные им директору Лицея Е. А. Энгельгардту, что Пушкина необходимо сослать в Сибирь, поскольку он «наводнил Россию возмутительными стихами» [Белкин: 1974, 105].

Заступничество друзей, и прежде всего Н. М. Карамзина, П. Я. Чаадаева, Ф. Н. Глинки, привело к тому, что ссылка в Сибирь была заменена переводом по службе из Петербурга в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), а затем в Кишинев, в канцелярию генерала И. Н. Инзова, наместника Бессарабии. Однако, приехав 17 мая 1820 года в Екатеринослав, Пушкин, купаясь в Днепре, серьезно простудился и заболел. Заставшая его здесь семья героя Отечественной войны 1812 года генерала Н. Н. Раевского отнеслась к поэту исключительно сердечно и внимательно. Раевские взяли его с собой на Кавказ, а затем в Крым.

Путь Раевских и А.С.Пушкина на Кавказ проходил по донской земле. Они останавливались в Таганроге, Аксае, бывали в Старочеркасске и в Новочеркасске. Очеркисты обычно пишут, что Раевские, не задерживаясь в Ростове, продолжали путь. В действительности было не так.

«Крепость Димитрия Ростовского была хорошо известна генералу Раевскому. Еще двенадцатилетним мальчиком он около года жил в этой крепости с матерью, когда его отчим ходил на Кубань вместе с Суворовым. Тогда ему очень нравилась девочка Алена Пеленкина, и он даже сочинил для нее песенку. Через 12 лет, будучи полковником, Раевский впервые ехал на Кавказ. Проезжая через Ростов, он узнал, что Алена вышла замуж и по-прежнему живет в крепости вместе с мужем. Раевский повидал молодую чету и отобедал у нее. И теперь, еще через 20 лет, ему сообщили, что Пеленкина овдовев, продолжает жить в крепости. Раевский решил заехать к ней со своей «ватагой», как он называл своих молодых спутников. У Алены в тот день были гости, и генералу пришлось задержаться» [Лотман: 1983, 115].

Посидели, не без улыбки вспоминая ребяческие годы и былую взаимную симпатию. «Расстались без слез и сожаления, – закончил свой рассказ о задержке в Ростове Раевский в письме дочери Екатерине» [Левкович: 1988, 71].

И только после этого визита Раевские и Пушкин выехали из города. Он посетил Горячеводск, Кисловодск, Ессентуки, принимая лечебные ванны. Пушкин описывал брату «ледяные вершины... гор, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и неподвижными» [Григорович-Барский: 2005, 69].

Второе путешествие на Кавказ Пушкин задумал в 1827 году. Не получив официального разрешения, в мае 1829 года он отправился на Кавказ самовольно. Причины, побудившие поэта сделать это, отмечены в черновом предисловии к «Путешествию в Арзрум»: необходимость лечения, потребность увидеться с братом и опальными друзьями, «желание видеть войну» и «сторону мало известную» [Тартаковская: 1991, 131]. Пушкин проехал по достопримечательным местам Грузии и Армении. На подступах к Арзруму поэт принял участие в военных действиях (русская армия сражалась против Турции за освобождение Восточной Армении) и вместе с победителями 27 июня вступил в город. В конце июля 1829 года Пушкин покинул Кавказ и той же дорогой возвратился в Россию [Тартаковская: 1991, 151].

Это путешествие нашло отражение в «Путешествии в Арзрум», в стихотворениях «Соловей и роза», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Погасло дневное светило...», «Делибаш», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Стамбул гяуры нынче славят...» и других. Глубокий след эта поездка оставила в творчестве Пушкина. После него поэт писал 23 марта 1821 года А.А. Дельвигу: «...еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не напишу. Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости – как не воспоминаниями?..» [Айрапетов: 1988, 65]

Кавказ произвел неизгладимое впечатление на Пушкина. Впоследствии он так говорил об этом:

«В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте: это снежные вершины Кавказской цепи....» [Атаханов: 2000, 7]

Затем поэт отправился в Крым. Путешествие было интересным, волнительным, интригующим. Природа этого красивейшего края, люди, населяющие его продолжали радовать и вдохновлять Пушкина. Здесь поэт увидел море в первый раз жизни. В его душе многое изменилось и перевернулось. Эти эмоции он выразил в стихотворении «Погасло дневное светило...». Этими строками поэт обращался к морю:

«Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминая упоенный...» [Пушкин: 1985, 224]

Его путешествие по побережью Черного моря продолжалось. Он продолжает вести свой дневник, где фиксирует каждую деталь, каждый момент, элемент окружения, увиденного и услышанного им. Все это впоследствии будет представлено в его произведениях восточной тематики. Очень сильным источником вдохновения поэта продолжает оставаться море.

Очень интересно письмо Пушкина своему брату, как автобиографическое подтверждение пребывания поэта на Кавказе и в Крыму.

«...Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор, ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре кажутся странными облаками, разноцветными и неподвижными...»[Белкин: 1974, 105].

В этом письме очень трогательно и трепетно отразилась искренняя душа поэта, его впечатлительность и эмоциональность. Интересное волнующее путешествие А.С. Пушкина по Кавказу продолжалось. И мы узнаем об этом, знакомясь с завораживающим пленительным творчеством поэта восточной тематики.

1.3 Функционирование восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина

А.С. Пушкин третье столетие продолжает оставаться не только русским поэтом, но и поэтом Востока. Его глубокий интерес к этому волшебному краю нашел прямое отражение в его творчестве, вызывая восхищение читателя уже много поколений.

«А.С. Пушкин бесспорно является величайшим поэтом русской литературы, и пусть я повторяюсь и говорю то, что всем давно известно, но гений этого писателя восхищает и поражает до глубины души. Не зря критик Аполлон–Григорьев говорил про него: «Пушкин наше все» [Алексеев: 1987, 13]. Ведь он действительно был этим всем, он переживал всей своей невероятной душой проблемы и беды своего народа. Но будет несправедливо сказать, что для Пушкина важен был лишь русский народ, ибо наравне с такими исконно русскими произведениями, как «Капитанская дочка», «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Барышня-Крестьянка» и многими другими, мы изучаем и «Бахчисарайский фонтан», и «Цыганы», и «Кавказский пленник», с детства нам знакома его «Сказка о золотом петушке».

Хотя все эти знаменитые его работы и описывают жизнь людей, совсем не схожих с нами по образу жизни, мыслей и быта, но этим они нам и интересны, благодаря этой их особенности они и носят имя шедевров! Ведь откуда еще можем мы узнать о пылкой и преданной натуре восточных женщин или о воинственной и бесстрашной, но такой ранимой душе кавказских мужчин?! Мы читаем, и непревзойденный талант А.С.Пушкина

заставляет нас вместе с героями, вместе с ним самим переживать те эмоции, которые ранее оставались неведомыми нашим северным, непривыкшим к такой горячности душам!

У его героев не вызывают страх и отвращение жестокие забавы горцев, а сам поэт с глубоким уважением относится к той религии, что процветает на восточных землях нашей страны.

Всем известно, что прадедом великого поэта был знаменитый арап Петра I — Ибрагим Петрович Ганнибал. А ведь он тоже был мусульманином. Его родиной была прекрасная и жаркая Эфиопия. И вообще биография этого удивительного человека полна тайн и вопросов, оставшихся без ответа. Неудивительно, что прадед очень интересовал талантливого внука. Из уст сыновей Ганнибала Ивана и Петра маленький Пушкин впервые узнал о волшебном Востоке. Невозможно даже представить те картины, которые рисовало внутреннее богатое воображение Пушкина, когда его деды рассказывали ему вместо сказок истории из жизни Ибрагима Петровича [Благой: 1931, 36].

Годы южной ссылки — один из самых плодотворных периодов в творчестве А.С. Пушкина. Очевидно, что эти годы и родословная поэта повлияли на его творчество, пробудили интерес к восточной тематике. Тесное взаимодействие двух культур, русской и восточной, благотворно повлияла на отечественную классику, украсив ее и приумножив ее достояние.

«Восточная (кавказская) экзотика была тем «нужным» для поэта, что определяло его романтическое мировоззрение в 1820-х годах. При этом поэт, рисуя «волн края жемчужны», «моря шум» и «груды скал», отнюдь не фантазировал, а воспроизводил реальные природные пейзажи, увиденные им в Крыму и на Кавказе» [Непомнящий: 1996, 162].

Ссылка Пушкина на юг совпала с началом его увлечения творчеством английского поэта Джорджа Гордона Байрона. «Пушкин заимствовал у Байрона художественную форму романтической поэмы с ее

фрагментарностью, недосказанностью, сильным драматическим началом, лирической манерой повествования» [Кибальник: 1991, 33].

В это же время ведет свое начало история переводов произведений русского поэта на языки народов Востока. Еще при жизни Пушкин стал известен в правительственных сферах Ирана, заинтересованных в добрососедских отношениях с Россией.

Большинство зарегистрированных переводов произведений поэта, изданные в разные годы в Иране, имели в своей основе перевод-посредник, английский или французский, и были выполнены в начале XX столетия. Аналогичной была судьба первых переводов из наследия Пушкина в Индии, арабском мире и других странах Востока [Челышев: 1991, 3]. К чести России следует сказать, что переводы поэзии Пушкина на языки народов Востока осуществлялись здесь с языка подлинника.

В отличие от многих поэтов-романтиков, как отечественных, так и западноевропейских, восторгавшихся восточной экзотикой, Пушкин глубже понимал и тоньше чувствовал связь России с судьбами всего человечества.

Отсюда его величайший интерес к «инонациональной поэзии», отражавшей, по его словам, «особенную физиономию» породившего ее народа, и только его [Челышев: 1991, 4]. В творчестве Пушкина невозможно найти ни одной строки, которая могла бы обидеть какой-либо народ или народность. чуткое внимание русского гения к судьбам жителей Азии и Африки, полное человеколюбия и искреннего сочувствия, обернулось повышенным интересом десятков миллионов «белых, черных и цветных» к его творчеству [Челышев: 1991, 4].

Трудно дать объяснение этому «чуду Пушкина» [Челышев: 1991, 4]. За прошедшие два с лишним столетия его поэмы, стихи, проза нисколько не потускнели. Они не стали бледнее ни нравственно, ни эстетически. Наоборот, всякий раз общение с Пушкиным делает каждого душевно богаче и щедрее. Не ветшают чуткость и внимательность русского поэта к людям, будь то

ямщик, погоняющий тройку, барышня–крестьянка, крепостной кузнец, черкешенка или пленный турок.

Беспределен мир пушкинской поэзии с ее обилием «иноземных» тем, сюжетов, с незавершенными произведениями, действие которых разворачивалось вне пределов России – «от западных морей до самых врат Востока» [Челышев: 1991, 5].

Проблема «Пушкин и Восток» имеет много специфических аспектов. Академик М.П. Алексеев пророчески заметил: «Всеобъемлющий и необыкновенный по своему масштабу и универсальности гений Пушкина может быть понят только после многих и длительных усилий, которые мы должны затратить на то, чтобы сопоставить его творчество с различными и разновременными явлениями в мировой литературе» [Челышев: 1991, 6].

Взаимодействие и взаимообогащение культур Востока и Запада остаются важной движущей силой развития мировой культуры. И в этих условиях поэзия Пушкина помогает вести отбор и ответ лучшего, отвергать посредственное и стандартное. Его творчество благотворно воздействует на становление и развитие современных культур народов Востока. При этом многие из них не менее древни, чем наша.

Обращаясь к тому или иному региону Востока, Пушкин в отличие от своих старших современников, таких, как Вальтер Скотт и Байрон, Томас Мур и Жуковский, рисовал каждый раз несходные между собой культурные миры. Он акцентировал не столько моменты сходства или повторяющиеся явления в странах Востока, сколько моменты различия. Поэт умел «заметить разность» между «совпадающими творениями человеческого гения» [Челышев: 1991, 7].

В работе Е.Ю. Суровой исследованы принципы переложения стихотворений и поэм Пушкина на язык хинди. Рассматривается широко интересующий сегодняшнюю науку вопрос о готовности принимающей литературы к восприятию идей и образов русской классики. Е.Ю. Сурова говорит о необходимости дальнейшего усовершенствования терминологии и

теории взаимодействия и взаимосвязи национальных культур [Сурова: 1991, 22].

Судьба сочинений Пушкина в странах Востока очень ярко и наглядно отражает динамику исторического и общественного развития этих стран, характер их взаимоотношений с нашей страной [Челышев: 1991, 7].

Типы культур Востока и Запада неоднородны, а потому взаимодействие их следует рассматривать с учетом этой неоднородности. И пушкинское творчество открывает в этом отношении широкий простор для наблюдений и выводов.

В статье Л.А. Тартаковской «Путешествие в Арзрум» художественное исследование Востока» речь идет о трансформации взглядов Пушкина на Восток, о его углубленном восприятии «ориентального мира», раскрывается характер его споров с литераторами–современниками, затрагивавшими «ориентальную проблематику» [Тартаковская: 1991, 154].

Новые соображения об отношении Пушкина к литературным традициям Ближнего Востока высказаны в статье А.Дж. Гаджиева. «Невозможно представить многогранный интерес Пушкина к каждому из регионов ориентального мира без его большого цикла стихотворений, навеянных глубоким знанием Ветхого Завета. Цикл слагался на протяжении всей жизни поэта» [Гаджиев: 1991, 163]. Одному из стихотворений – «Напрасно я бегу к сионским высотам» (об интересе Пушкина к библейским сюжетам) – посвящена статья М.Ф. Мурьянова [Мурьянов: 1991, 179].

Так получилось, что «ориентальные замыслы» Пушкина, запечатленные в журнале «Современник», долгое время не привлекали к себе внимание ученых, хотя этому изданию посвящено несколько монографий. В статье Д.И. Белкина «Мир Востока на страницах пушкинского «Современника» собраны интересные сведения, уточняющие ориентальную концепцию поэта, его размышления и планы «о временах грядущих» [Челышев: 1991, 10], обращено внимание на неоднозначное отношение Пушкина к статье арабиста О.И. Сенковского [Белкин: 1991, 194]. Мы

являемся свидетелями того, что пушкинское слово становится все более значимым в культурном общении народом Востока, и мы надеемся, что эта тема так и будет поистине неисчерпаема [Челышев: 1991, 6].

А.С. Пушкин очень любил город Кишинев. Он жил там со своими земляками, находящимися на военной службе. Город со своей суетой, своей культурой, своей индивидуальностью, шумом очень привлекал и вдохновлял поэта. В это период его жизни появились душевные, трепетные сочинения. Кто не знает этих нежнейших творений – «Под небом голубым страны своей родной...»:

«Она томилась, увядала...

Увяла наконец, и верно надо мной

Младая тень уже летала;

Но недоступная черта меж нами есть.

Напрасно чувство возбуждал я:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,

И равнодушно ей внимал я» [Пушкин: 1986, 381].

Или «О, если правда, что в ночи...»:

«О, если правда, что в ночи,

Когда покоятся живые,

И с неба лунные лучи

Скользят на камни гробовые,

О, если правда, что тогда

Пустеют тихие могилы, —

Я тень зову, я жду Леилы:

Ко мне, мой друг, сюда, сюда!» [Пушкин: 1985, 468]

И вот это замечательное сочинение «Для берегов отчизны дальней»:

«Но там, увы, где неба своды

Сияют в блеске голубом,

Где тень олив легла на воды,

Заснула ты последним сном.

Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...» [Пушкин: 1986, 489]

А.С. Пушкина привлекала история происхождения восточных сюжетов, различные восточные предания и мифы, легенды, сказки, мусульманская вера, священные книги, библейские сюжеты, которые служили основой для этих творений. Как мы знаем, он робкими, но смелыми шагами шел по пути создания произведений восточной тематики, используя и анализируя добытые источники по теме Восток.

Поэт с огромным наслаждением путешествует по Черноморскому побережью, по дивному краю Кавказу. Живописные пейзажи, открывающиеся его взору, люди, населяющие эти места, их быт, их одежда, их язык, манера общения и поведение, повседневная жизнь, уклад этой жизни, отношения в семье, с окружающими, отношение к вере и традициям, своей культуре, их свободолюбие и дикость одновременно – все восхищает и вдохновляет А.С. Пушкина. Ни одна деталь не является малейшей и упущенной из виду поэтом. Будь то необъятное море или цвет кожи простой женщины, молдаванки, солнце и звезды, ветер и воздух, дорога и громадные горы. У Пушкина нет лишних элементов или ненужных и неважных деталей. Важно и нужно все. Для создания полной картины, несомненно, необходимы все даже самые малые конструкции.

Каждый раз, перечитывая снова и снова в очередной раз сочинения А.С. Пушкина, мы не перестаем удивляться такой наблюдательности, умения точно воссоздавать реальность, уникально формулировать свои мысли и доносить читателю главную суть, такой завораживающей мелодичности языка поэта и изображению интересных и неповторимости сюжетов.

«Восточная тема в творчестве А.С. Пушкина была закономерным процессом, вызванным самой жизнью как внутри России, так и за ее пределами»[Фомичев: 1981, 39]. Поэт стал образцом для своих коллег по

цеху, решивших продолжить его путь, своеобразную стезю, открывающую читателю волшебный мир Востока. Быть первым, безусловно, очень ответственно, непредсказуемо – это особая миссия и особая роль и в литературном процессе, и в значении этой литературы на общем фоне отечественного литературоведения. Так вот, Пушкин подтвердил свое звание великого поэта, показав свой талант, вытекающий из личной утонченности поэта, его черт характера, склада ума, его личностного равнодушного отношения ко всему происходящему в мире, его честность, человеколюбие, справедливость, уважение и к своей родной стране с ее культурой, и к другим странам, в частности, рассматриваемых нами, восточным с их особенной культурой, традициями и великолепием. У него учились, с него брали пример, им вдохновлялись и восхищались, ему подражали, продолжая его путь в своем уже творчестве.

Выводы по главе:

В начале XIX века в русской литературе еще господствовала эпоха классицизма со своими требованиями и течениями. Восточные мотивы не укладывались и не подходили под нормы, соответствующие этому художественному стилю, поэтому и находили своеобразное, субъективное, где-то даже и выдуманное отражение в литературе.

Очевидно одно, что интерес России к Востоку был колоссальным и ассоциировался, в первую очередь, с Кавказом. Причинами этого интереса были географическое расположение по соседству, политические и экономические отношения.

В русской литературе рассматриваемого периода тема Востока уже была обозначена в журналистике и в русской художественной литературе. Уже в 1820 – 1830-х годах эта тема является самой главной, востребованной и актуальной. Не утихает ее популярность вплоть до 1861 г., т.е. и в русской литературе романтизма. Именно исторические факты и сопутствующие моменты стали причиной такого пристального внимания к теме Востока в литературном процессе. При этом нередко у поэтов современников

возникла общность лексики и сходство образной сферы. Это обстоятельство заставило нас тщательнее рассмотреть тексты «восточного направления» А.С. Пушкина: его сочинения, посвященные Кавказу и Востоку вообще. Восток для русских авторов стал особой категорией, которая помогла органично воспринять «чужую» культуру, но не утратить при этом «национальных» корней. Образ Родины во многих случаях становится неотъемлемой частью их поэтического мира.

Годы южной ссылки – один из самых плодотворных периодов в творчестве А.С. Пушкина. Очевидно, что эти годы и родословная поэта повлияли на его творчество, пробудили интерес к восточной тематике. Тесное взаимодействие двух культур, русской и восточной, благотворно повлияла на отечественную классику, украсив ее и приумножив ее достоинство.

Немаловажное значение в развитии интереса Пушкина к Востоку оказывала развивающаяся система востоковедения в России, растущее количество различных публикаций восточной тематики в журналах, альманахах, статьях. Эта тема была интересна, очень волновала читателя, вызывая бешеное любопытство. А любопытство, в свою очередь, конечно, должно быть удовлетворено. Именно поэтому в соответствующей литературе регулярно печатались новости касательно и Кавказской ситуации, непрерывающейся войны в этом крае, и касательно этого неизведанного и интригующего мира в целом. Безусловно, читателю было интересно, а что там, какие люди населяют эти дикие места, какой у них язык, как они одеваются, что едят, какая природа, почему такой жаркий климат, какое отношение к политике, что за вера у них, чем она отличается от христианской? Поэтому люди читали с упоением и интересом все, что касалось темы Востока. И А.С. Пушкин показал его читателю с особой стороны, с настоящей, реальной, не выдумав ничего, а изобразив так, как видел своими глазами.

ГЛАВА II. ЖАНРОВАЯ ПАЛИТРА ВОПЛОЩЕНИЯ ТЕМЫ ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

2.1 Восточные мотивы в поэме «Кавказский пленник»

Жизнь Пушкина и его творчество тесно связаны с Северным Кавказом. Русский поэт открыл кавказскую тему по собственным впечатлениям от посещения этих мест. Пушкин был восхищен природой, культурой Кавказа. Эти впечатления отразились в южных поэмах: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Цыганы».

«Кавказский пленник» – первая из четырех романтических, так называемых «южных», поэм А. С. Пушкина [Гамзатов: 1996, 75]. Она была написана в 1820-1821 гг. во время ссылки поэта на юг (напечатана в 1822 году). Приступая к созданию поэмы, мы думаем, поэт преследовал несколько целей. Он хотел показать читателю нового героя, с душой, способного чувствовать и боль, и тоску, и утрату, и свободолюбие, любовь к Родине и к девушке, уважение законов, традиций и обычаи другой культуры других народов.

«Замечания твои, моя радость, очень справедливы и слишком снисходительны. Зачем не утопился мой Пленник вслед за Черкешенкой? Как человек, он поступил очень благоразумно, но в герое поэмы не благоразумие требуется. Характер Пленника неудачен; это доказывает, что я не гожусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» [Анненков: 1984, 318], – писал Пушкин своему другу. Следующей задачей поэта было желание показать настоящую живописную картину природы Кавказа, жизни и быта горцев. Тем самым Пушкин опроверг возможность творить, создавать сочинения в рамках одного стиля, царившего тогда классицизма. Это сопоставление было очевидно.

Поэма «Кавказский пленник» – небольшая по объему, но Александр Сергеевич довольно долго работал над ее созданием. Настолько важно было для него изобразить суть, главную мысль достоверно, показав Кавказ и горцев, черкесов в данной поэме, максимально реалистично, насколько это возможно. Им не упущено ни одно слово, ни одна деталь. И мы убеждаемся в этом каждый раз, перечитывая поэму вновь и вновь.

«Дописав поэму в черновике до конца, он трижды переписывал ее собственноручно набело, всякий раз то уничтожая написанное, то вставляя новое, то меняя композицию произведения» [Левкович:1988, 207].

А.С. Пушкин воспользовался в своем «Кавказском пленнике» сюжетной формулой, подсказанной разгоравшейся на Кавказе войной «русский в плену у горцев». События разворачиваются в городе Пятигорье, где поэт уже был ранее с семьей генерала Раевского. Немаловажным фактом является то, что Пушкин посвятил свою первую южную поэму сыну этого генерала, с которым очень дружил и которого очень уважал, считая своим другом. Мы знаем, что поэт посещал Кавказские воды в лечебных целях, которые находились в небольшом отдалении от действующих военных действий. Пушкин признавался в этом в письме другу: «сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа» [Левкович:1988, 212].

Реальным источником для «Кавказского пленника» могли стать отголоски истории Дельпоццо, в которой говорится о взятом горцами в плен русского офицера, имевшего огромное значение для армии и являющегося ценным кадром на службе. Безусловно, были предприняты попытки освободить этого офицера. Вследствие чего данное обстоятельство имело большой резонанс в стране.

А.С. Пушкин по праву и считается, и является первым поэтом, воссоздавшим в своей знаменитой поэме «Кавказский пленник» Кавказ не с чьих-то слов, а исходя из своих мыслей, своего умозаключения после увиденных картин этого дикого края своими глазами. Каждый момент,

каждое слово, каждая деталь была продумана и прочувствована им. Мы знаем, насколько нежна и трепетна была душа поэта, насколько чувствителен он был. Поэтому на фоне восточных картин, пейзажей любовь восточной девушки в русского пленника, влюбленного безответно в другую, но преданного ей, своим чувствам, несмотря ни на что, любящего свою родину и свободу, завораживают нас и уносят в волшебный мир со своими реалиями. Это много стоит. Надо заметить, что для самого поэта было очень важным и чуть ли не главным, точно и достоверно изобразить жизнь, уклад жизни и быт народа Кавказа в лице черкесов, горцев.

Однажды, находясь еще в своем путешествии по Кавказу Пушкин сделал заметку: «Здесь нашел я измаранный список «Кавказского пленника» и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено, верно»[Левкович: 1988, 215]. Знакомясь с черновиком «Путешествия в Арзрум», мы видим дописанное изречение: «Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо, изобразить нравы и природу виденного мною издали» [Григорович–Барский: 2005, 34].

Очень важен в начале поэмы факт, когда пленник понимает, что находится на чужбине, которая считается дикой, жестокой, воинственной и убийственной. Он один на один с целым миром в виде гордой Чечни. Оковы, неизвестность, безысходность, реальная горечь и обреченность положения. Читатель сочувствует герою, сопереживает ему и жалеет его. Но здесь прослеживается недосказанность. Непонятно, как пленник попал в этот чужой край, при каких обстоятельствах был схвачен. Ведь по сюжету поэмы он – простой путешественник, не на службе. Нам непонятно, что же привлекло его в эти места. Мы можем предположить, что он бежит от своей прежней увеселительной городской жизни со своими соблазнами и пороками, наскучившими ему и духовно опустошающие его, от неразделенной любви, рвущей его сердце. Возможно, этот парень просто

ищет утешения, покоя и забвения, себя ищет в новом чужом мире.

Подтверждающими являются следующие строки:

«Людей и свет изведаль он,
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашед измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы»[Пушкин: 1986, 6].

Яркая, дикая природа традиционно является фоном для повествования романтической поэмы. «Сила, масштабность, яркость выражают внутреннее состояние героя, который бежит из России от «степи в душе» к Кавказу»[Гамзатов: 1996, 75]:

«Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души молодые впечатленья;
Где рыскает в горах воинственный разбой,
И дикий гений вдохновенья

Таится в тишине глухой?» [Пушкин: 1986, 3]

При описании внешности пленника поэт не красноречив, описательных элементов мало, но они очень точны и конкретны. Их небольшое количество является достаточным, чтобы у читателя сложилось верное представление о нем:

«Таил в молчанье он глубоком
Движенья сердца своего,
И на челе его высоком
Не изменялось ничего;
Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили век его молодой
И шепотом между собой
Своей добычею гордились» [Пушкин: 1986, 13].

Перед нами вырисовывается образ аристократичного, благородного, стойкого юноши, не впадающего в панику от безысходности своего положения и от неизбежности гибели. Эти важные, точно помеченные детали настолько метки в своем попадании, что у читателя складывается именно такое мнение о герое, которое и хотел сложить поэт.

Не менее важным является процесс сравнения и отождествления главного героя и стихии:

«А пленник, с горной вышины,
Один, за тучей громовую,
Возврата солнечного ждал,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
С какой-то радостью внимал» [Пушкин: 1986, 14].

События развиваются. И вот уже пленник, осмотревшись и смирившись со своей печальной участью, меняет мнение о людях, взявших его в плен. Он понимает, что выхода у него, черкесы являются его врагами, и

грозит неминуемая смерть. Казалось бы, герой должен ненавидеть их, но что мы видим? Пленник, несмотря ни на что, относится к горцам с уважением и восхищением, наблюдая их почтительность и гостеприимство:

«Когда же с мирною семьею
Черкес в отеческом жилище
Сидит ненастною порой,
И тлеют угли в пепелище;
И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдет пришлец усталый
И робко сядет у огня, —
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встает
И гостю в чаше благовонной
Чихирь 9 отрадней подает.
Под влажной буркой, в сакле дымной,
Вкушает путник мирный сон,
И утром оставляет он
Ночлега кров гостеприимный» [Пушкин: 1986, 11].

Его дух не сломлен безысходностью, что также вызывает к нему уважение черкесов. В этом мы можем убедиться, познакомившись со следующими строками текста:

«Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили век его молодой
И шепотом между собой
Своей добычею гордились» [Пушкин: 1986, 6].

Знакомясь с мыслями главного героя, нам кажется, что он в своей стране, в кругу своих друзей и единомышленников был своеобразным

изгоем, непризнанным или отвергнутым обществом. Мы понимаем, что пленника скорее всего был поэтом или любителем художественного слова:

«Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волнением песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал»[Пушкин: 1986, 6].

Дальше мы чувствуем невидимую связь Пушкина и его героя, точнее, самого Пушкина в его персонаже:

«Невольник чести беспощадной,
Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец» [Пушкин: 1986, 18].

Получается, что пленник все–таки является частью светского общества, который не пренебрегал запретами дуэли, а участвовал в них, рискуя своей жизнью. Он будто испорчен окружением, поддается его негативному влиянию, что выливается в крайние меры, в желание исчезнуть для всех, не видеть знакомые лица. А добиться этого можно, лишь убежав как можно дальше. Кавказ, безусловно, – самое подходящее место для человека, разочарованного в жизни, в себе, потерявшего себя. Отчаяние привело его к бегству.

Мы уверены в том, главный герой поэмы – несчастный скиталец, бродячий странник: «захвачен черкесом не в бою, а во время путешествия. Он не офицер, а путник...» [Томашевский: 1990, 457]

«Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел

С веселым призраком свободы» [Пушкин: 1986, 21].

Эти строки являются важным моментом повествования. В них мы снова видим Пушкина, его черты в своем герое. Здесь прослеживается двойная мысль: либо пленник самостоятельно попал сюда, убегая от реальности, либо он был выслан сюда в ссылку. Тут явная связь Пушкина и героя. Ведь мы знаем, что «официально Пушкин был переведен на Юг по службе, т.е. как свободный человек, а на самом деле — выслан за сочинение вольнолюбивых стихов. Пленник же поступает совершенно свободно, и это обстоятельство формирует весь конфликт поэмы, в котором ведущую роль играет отчуждение главного героя: оно возникает спонтанно и последовательно доводится до самой резкой формы — до разрыва и бегства» [Томашевский: 1990, 456].

Пленник, являющийся романтическим героем, всю свою жизнь направляется к идеалу. Для романтизма характерно расхождение между мечтой и действительностью. Романтик не удовлетворен действительностью, разочарован в ней и, мечтая о лучшем, создает в своем богатом воображении образы идеальной жизни, идеальной любви, идеальных взаимоотношений.

Романтическое произведение строится на определенных характерных канонах, отвечающих данному художественному стилю. Основой его сюжета обязательно должно быть какое-то необычное обстоятельство, странная причина. Впоследствии события строятся на контрастах и в описании окружающих пейзажей, и характеров героев, активно используются противопоставления для усиления динамики борьбы, которая также является обязательным условием романтического произведения. С персонажами происходят самые разнообразные ситуации, испытывая их характер и жизненную стойкость. Окружающие пейзажи подчеркивают сложность и запутанность сюжета. Как правило, она очень необычна, странна, резко меняется или не соответствует действительности. Но А. С. Пушкин не стал придумывать «лжеобраз», он представил в образе идеального места Кавказ [Россия и Восток: 1995, 162]:

«За саклями лежит
Он у колючего забора.
Черкесы в поле, нет надзора,
В пустом ауле всё молчит.
Пред ним пустынные равнины
Лежат зеленой пеленой;
Там холмов тянутся грядой
Однообразные вершины;
Меж них уединенный путь
В дали теряется угрюмой:
И пленника молодого грудь
Тяжелой взволновалась думой...» [Пушкин: 1986, 5]

Кавказ, по своей сущности, отличается от любого другого уголка России своей величественной красотой, недостижимыми вершинами обледеневших гор. Вечнозеленые растения, лучи солнца, проскальзывающие через горы, которые защищают этот край от уничтожения, чистый горный ручей, напоминающий шепот, снежные вершины, пытающиеся проткнуть небо. Вся эта атмосфера таинственности не могла не привлечь обыденный взор. Почему передовые люди государства бежали именно сюда? Прежде всего, они хотели почувствовать природу, стать её частью, подчиняться ей, а не «грозному владыке» [Пушкин: 1986, 11]. Тема Востока настолько стала популярна, что переросла в своеобразную моду. Актуальность ее использования прочно закрепилась в литературного процессе этого времени. «Духота того времени как бы заставляла бежать на чистый, свободный Кавказ» [Томашевский: 1990, 467].

Из выше сказанного следует, что Кавказ становится не только символом свободы, но и новым «источником божественного вдохновения, новым Парнасом, который, как мы знаем, являлся поприщем поэтов, их Олимпом вдохновения» [Сафа Махмуд: 1991, 58].

Автор не рассматривает Кавказ как угрозу для жизни, он только «рисует» его величие, но не величие природы над человеком. Не внушает страха могущественная стихия, а манит к себе, обещая «свободу, равенство и братство» [Пушкин: 1986, 20].

А. С. Пушкин описывает природу ярким, образным языком. Поэт использует высокую торжественную лексику: «Престолы вечные снегов», «колосс двуглавый», «очам»— для того, чтобы подчеркнуть возвышенность чувств, важность переживаний. Здесь поэты могут творить, вдохновением пропитана вся природа, каждая капля росы, здесь чистые мысли посещают человека. Экзотичность Кавказа не просто манит, а захватывает и наполняет «великолепными картинами» всю дальнейшую жизнь хоть в Сибири, хоть в столице. Сердце, наполненное Кавказом, никогда не потухнет. В такой среде, несомненно, должны жить такие же свободные гордые люди, «сыны Кавказа», «гнездо разбойничьих племен»:

«Но европейца всё вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной,
К луке склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заране приучаясь» [Пушкин: 1986, 7].

К ним А. С. Пушкин и оправляет пленника.

Создается контраст: русский–пленник и горцы – свободный народ. Возникает парадоксальная ситуация. Кавказская война была направлена именно на то, чтобы подчинить себе этот плодородный край, в котором все пропитано свободой. Но оказывается так, что мы, русские, становимся духовными пленниками этого края, пленниками свободы. Почему? Неужели климат влияет на характер нации? К этим вопросам я думаю, обращался и А. С. Пушкин, который во время своей «южной» ссылки увидел противоречия двух миров, загадки окружающего бытия. Мне кажется, что характер горцев закалялся веками. Вокруг них были одни враги, желающие забрать себе кусочек «сладкой» земли. А им, горцам–воинам, нужно было защищать себя, детей, в конце концов, свою независимость от турков, персов, русских «К войне заранее приучаясь», росло каждое поколение свободолюбивого народа [Пушкин: 1986, 13].

А. С. Пушкин сравнивает горцев со зверями, озлобленными на весь русский народ, они не хотят никому и никогда подчиняться, это вольнолюбивый народ. Горцы ценят дружбу, свободу, они властвуют над своими женщинами, исполняющими роль «хранительницы очага», у горцев развито чувство собственности. Русских они воспринимают как людей, желающих отнять у них свободу, землю, дом, очаг, семью, память.

Сюжет поэмы отражает конфликт между ложной цивилизацией и естественной жизнью горцев, между страстями, истребляющими чувства, и полнотой жизнеощущения. Общность взглядов, схожесть в характере, страсть, жажда свободы русского пленника и черкесов очевидна, но она все равно разная у них:

«Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный —
Всё тот же он; всё тот же вид
Непобедимый, непреклонный.
Гроза беспечных казаков,

Его богатство — конь ретивый,
Питомец горских табунов,
Товарищ верный, терпеливый.
В пещере иль в траве глухой
Коварный хищник с ним таится
И вдруг, внезапною стрелой,
Завидя путника, стремится;
В одно мгновенье верный бой
Решит удар его могучий,
И странника в ущелья гор
Уже влечет аркан летучий» [Пушкин: 1986, 10].

Понятие свободы у черкесов и у главного героя были совершенно разные. Слушая песню черкесов, пленник это понимал. И мы, читатели, тоже:

«В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.
Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой»[Пушкин: 1986, 17].

Есть уважение друг к другу, но менталитет разный и дает о себе знать. Отношение к любви – тоже непохожее. Любовь черкеской девушки отличается от любви русской. Черкешенка горячая, отчаянная, смелая, готовая принять смерть и сама себя лишит ее. Это говорит об отважности и силе духа. Ее любовь была запретной, но она все равно любила:

«Ты их узнала, дева гор,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный, невинный взор
Высказывал любовь и радость.
Когда твой друг во тьме ночной
Тебя лобзал немым лобзаньем,
Сгорая негой и желаньем,
Ты забывала мир земной...»[Пушкин: 1986, 13]

Она надеялась на такую же отчаянность пленника. Думала, что его любовь будет такой же, как у нее, что он ради нее откажется даже и от родины:

«Пленник милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись головой ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь» [Пушкин: 1986, 13].

«Кавказский пленник» А. С. Пушкина состоит из посвящения, части первой и второй, черкесской песни, эпилога, много раз полемически оспоренного, и примечания.

А. С. Пушкин смог точно передать менталитет горцев. Быть в постоянном состоянии войны – таково бытие этих «младенствующих» с точки зрения цивилизации народов и такова их «ценностная» ориентация. Поэт сумел прояснить «экзистенциальную подоплеку» процесса «самоистребления» народов Кавказа. Он же точно обозначил и социальные последствия, которые в истоках своих связаны с менталитетом. И все–таки в поэме «черкес» не столько осуждается автором, сколько прославляется за воинственность:

«Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен;
На нем броня, пищаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан

И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный —
Всё тот же он; всё тот же вид
Непобедимый, непреклонный» [Пушкин: 1986, 10].

В этих строках очевидна личное мнение А.С. Пушкина касательно горцев. Мы видим его гордость, уважение и восхищение этим народом. Как видим, «Кавказа гордые сыны» не услышали слов «обиды от лиры русского певца» [Пушкин: 1986, 21].

«Пушкин показывает нам народ Кавказа. Его нравы, культуру. И показывает народ не с жестокой стороны. Перед читателем возникает образ черкеса – гордого и отважного воина. И всё остальное: пейзаж, быт, одежда, описание горцев – Пушкин показывает нам для того, чтобы передать культуру этого народа, чтобы познакомить читателя с этим народом, чтобы мы были дружны и не враждовали» [Челышев: 1991, 17].

2.2 «Восточный колорит» в произведениях «Бахчисарайский фонтан» и «Фонтану Бахчисарайского дворца»

Продолжением творчества А.С. Пушкина восточной тематики стала его знаменитая поэма «Бахчисарайский фонтан». После своего издания она произвела настоящий фурор. Это было общее мнение восхищения и читающей публики, и строгих критиков. Тема Востока к этому времени окончательно окрепла. Восточные мотивы были как никогда актуальны в литературе. Публика жаждала новых сюжетов, и новой сказки. Именно таковой и стала эта поэма. Опубликована она была в Москве в 1824 году. Все экземпляры книги оказались распроданы. Это был успех, который, конечно, радовал А.С. Пушкина. Он понимал, что работает в нужном направлении, просвещая и знакомя читателя с миром Востока своим творчеством. В

дальнейшем он даже считал эту поэму одним из главных своих сочинений. Впоследствии им создается как бы продолжение поэмы в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца».

Несомненно то, что эти два восточных шедевра явились следствием южной ссылки поэта, потому что тот колорит, которым они обладают, невозможно придумать. Его надо видеть, чувствовать, наслаждаться им, чтобы передать достоверно и максимально точно. Таким образом, мы убеждаемся, что интерес Пушкина к Востоку не был временным. Эта цепочка в его творчестве началась в годы ссылки на юг и отражалась в его творчестве всю короткую жизнь поэта. Мы знаем, что Восток интересовал юного Пушкина с детства, но именно вот такой серьезный и обдуманый он стал в период ссылки и путешествия по побережью Черного моря.

Поэма «Бахчисарайский фонтан» и стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» являются истинным воплощением «восточного колорита». Это настоящий образец понимания Востока А.С. Пушкиным.

Как говорится, сошлось все. В этих сочинениях поэт использует такие важные и значимые детали, моменты, обстоятельства, являющиеся присущими миру Востока и даже ставшие его частью. Любовь, ревность, фонтан, роза, соловей – эти все главные образы, неразрывно связанные с восточными мотивами. Очень важно, что любовь в этих произведениях снова несчастная, трагичная, потому что без ответа. Что является опять же определенной чертой, присущей Пушкину. Рассмотрим эпитафию к поэме. Поэт остановился на знаменитом высказывании восточного поэта Саади: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уж нет, другие странствуют далече» [Пушкин: 1986, 48]. Пушкин воспользовался слова такого известного человека неспроста. Конечно, он хотел привлечь внимание к своему произведению, сделав его таким образом более восточным, колоритным. Тем более образ фонтана эпитафии в начале чтения также говорил о многом, потому что являлся одним из важных атрибутов восточной тематики.

Исследуя поэму, мы сразу видим частое употребление поэтом слова фонтан. Это все не просто так. В чем сейчас мы и убедимся.

Если мы будем наблюдательны, то увидим в поэме не один фонтан. Если быть конкретнее, то фонтан не в одном значении, а в двух. Первоначально, это восточный предмет, необходимы в жизни человека и в его быту на Востоке. Во втором случае, более глубокий смысл. Это, конечно, образец непонимания, борьбы, вражды двух совершенно разных стран.

Главной составляющей сюжета поэмы является русская невольница Мария, ее печальная судьба и горькая участь. Она не отказалась от христианства, от своей родины, не смогла и не захотела любить насильно, пусть и хана. Ее не прельстили ни его сладкие речи, ни богатство дворца, дорогие одежды, восточные яства. Мария предпочла смерть. После ее гибели и был сооружен фонтан:

«Опустошив огнем войны
Кавказу близкие страны
И селы мирные России,
В Тавриду возвратился хан
И в память горестной Марии
Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена
Магометанская луна
(Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина)» [Пушкин: 1986, 59].

В этом печальном обстоятельстве Пушкина удивило поведение хана, искренне, беззаветно и безответно полюбившего Марию. К сожалению, эти чувства привели к гибели двух девушек и разбили сердце правителя. Потому фонтан, воздвигнутый в память о Марии, получил название фонтана слез, бесконечного потока, с которым сравнивается душевное состояние хана.

Впоследствии, этот фонтан будет одним из любимых мест наложниц гарема, где они гуляют и веселятся, чьей прохладой спокойно наслаждаются. Именно в таком умиротворенном контексте Пушкин повествует дальше свое произведение, характеризуя времяпрепровождения женщины в гареме. Он и веселил их в пору настроения и соответствующих обстоятельств, и успокаивал, когда это им было необходимо:

«Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые» [Пушкин: 1986, 50].

Когда фонтан упоминается второй раз в тексте, мы понимаем, что речь идет о нем как о предмете интерьера, характерного любому дворцу восточного правителя и встречающегося в восточных сказках, легендах. Другим очень важным моментом в повествовании является образ евнуха – человека, присматривающего за невольницами в гареме. Эти образы параллельно употреблены в поэме друг с другом. В реальности, как мы знаем, они являются одними из главных образов Востока:

«Но все кругом его молчит;
Одни фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют...» [Пушкин: 1986, 55]

Фонтан действует успокоительно как на невольниц в гареме, так и на евнуха. Скорее всего, он на всех так влиял. К нему стремились насладиться его красотой и прохладой. А вот дальнейшее употребление фонтана уже меняется, становясь грустным, драматичным:

«И в память горестной Марии
Воздвигнул мраморный фонтан

В углу дворца уединенный» [Пушкин: 1986, 59].

Значение фонтана в начале произведения и в конце разное. Пушкин ранее говорил о нем, как о веселом, беспечном источнике. Теперь это другой фонтан. Он скрыт от первоначального глаза вошедшего, не находится на виду, а будто спрятан в укромном местечке, став потаенным, непубличным объектом. Поэт говорит о нем, называя «мрачным памятником»:

«Младые девы в той стране

Преданье старины узнали,

И мрачный памятник оне

Фонтаном слез именовали» [Пушкин: 1986, 60].

Мы убедились, что в поэме «Бахчисарайский фонтан» фонтан имеет два значения: предмет быта, характерный жилищу восточного человека, и как результат сравнения и отождествления абсолютно разного и несравнимого, двух чужих миров – России и Востока. Не вызывает у нас вопросов, по какому поводу был создан этот фонтан, потому что, бесспорно, в дань памяти и сильной любви к русской невольнице Марии. В конце произведения поэт убеждает нас в этом:

«Дыханье роз, фонтанов шум

Влекли к невольному забвенью

Невольно предавался ум

Неизъяснимому волненью...» [Пушкин: 1986, 60]

Казалось бы, образ фонтан должен ассоциироваться у читателя с грустными моментами, с чувством утраты и потери, сожаления и сочувствия, но мы испытывает все – таки волнение, возвращаясь снова и снова к этому многогранному и значительному объекту архитектуры.

Проанализировав свое исследование, мы приходим к выводу, что в данной поэме образ фонтана встречается пять раз. Сначала это были описательные моменты роскошного дворца хана, а вот в дальнейшем Пушкин использует это концепт для передачи своего внутреннего состояния.

Динамика употребления этого слова очевидна. Она растущая и усиливающая в своем значении.

Впоследствии А.С. Пушкиным было создано продолжение своей восточной поэмы – стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца», в котором образ фонтана снова является центральным и главным:

«Фонтан любви, фонтан живой!

Принес я в дар тебе две розы.

Люблю немолчный говор твой

И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль

Меня кропит росой хладной:

Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!

Журчи, журчи свою мне былль...» [Пушкин: 1985, 318].

В начале стихотворения мы представляем веселый, бурный, жизнерадостный фонтан, а в дальнейшем наше настроение сменяется на меланхолию и тоску. Доказывающими являются следующие строки:

«Фонтан любви, фонтан печальный!

И я твой мрамор вопрошал:

Хвалу стране прочел я дальной;

Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!

И здесь ужель забвенно ты?

Или Мария и Зарема

Одни счастливые мечты?» [Пушкин: 1985, 319]

Читая эти строки, мы видим грустное состояние Пушкина. Он тоскует и по обеим девушкам и скорбит по печальной судьбе. Проведя параллели между значением фонтана вначале повествования и в конце, очевидно противопоставление бодрого и живого с грустным. Это небольшое по объему стихотворение, но оно настолько насыщено яркими восточными образами, соответствующими описательными элементами, что у нас вырисовывается

живая органичная картина. В тексте Пушкин используется и исконно русские слова и восточные. Они как бы противопоставляются друг другу. Таким образом, мы видим продолжение сравнения и сопоставления двух разных миров, России и Востока, двух разных культур. Две девушки представляют эти два совершенно разных края. В начале стихотворения Пушкин сразу выражает свое мнение и отношение к этим мирам, Оно едино:

«Принес я в дар тебе две розы» [Пушкин:1985, 318].

Роза появляется неслучайно. Она – главная составляющая восточной поэзии, чье присутствие можно наблюдать в текстах восточных поэтов. Пушкин использует образ этого цветка очень часто в своем творчестве. Мы видим, что в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» главными концептами являются фонтан и роза. Это подтверждает наличие восточных мотивов в данном произведении.

В дальнейшем мы читаем:

«Фонтан любви, фонтан печальный!

И я твой мрамор вопрошал:

Хвалу стране прочел я дальной;

Но о Марии ты молчал...» [Пушкин:1985, 319]

В этих строках очевидно отношение поэта к Востоку. Он восхищается им и восхваляет его.

В завершении стихотворения Пушкин указывает на важный момент. На фонтане сделана соответствующая надпись, свидетельствующая о той, в чью память он создан. Поэт снова таким образом говорит читателю о сопоставлении двух миров, России и Востока, и двух религий.

Заметим, что поэма «Бахчисарайский фонтан» и стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» очень сильно повлияли на сознание А.С. Пушкина. Они перевернули его представление о Востоке. Он будто сам стал восточным человеком, вжился в этот волшебный колорит, прочувствовал эту культуру. Эти произведения стали очень значимыми для литературы рассматриваемого периода. Они открывали читателю чудесный мир Востока

так, как никто не показал, формируя личное мнение и объективное отношение к происходящему у каждого поклонника. Связь произведения очевидна, но не надо забывать, что это два абсолютно индивидуальных сочинения.

При их появлении все критики дружно сошлись в одном мнении, выраженном «в похвале неслыханной еще дотоле гармонии языка, небывалой роскоши стихов и описаний» [Алексеев: 1987, 137].

2.3 Восточные мотивы в лирике А.С. Пушкина

А.С. Пушкин, продолжая свое путешествие по Кавказу создает очередные шедевры русской литературы. Это «Путешествии в Арзрум», в стихотворениях «Соловей и роза», «Кавказ», «Стамбул гяуры нынче славят...», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Дон», и другие.

В этих произведениях пейзажи необычайно красивы и по-восточному колоритны. Они вдохновляют поэта и выражаются в самых радужных и красивейших описаниях в произведениях. Очень часто поэт использует элементы природы для усиления описания внутреннего состояния своих героев, их душевного волнения, для реального воссоздания картины нужной автору. Например, слог стихотворения «Дон» торжественен, и добиться этого поэту помогают описательные и сопоставительные элементы природы, окружающей действительности:

«Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.
Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон...»[Пушкин: 1985, 450]

Кавказская война набирала обороты, способствовала созданию следующей песни Пушкина, в которой отразился его патриотизм и негативное отношение к этим военным событиям:

«Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил» [Пушкин: 1985, 448].

Очень странным казалось бы то, что произведения, созданные Пушкиным на юге, публиковались годами позже своего появления. Объяснением этого факта является то, что поэт не любил, когда ему указывали, что писать. Он создавал сочинения на основе увиденного своими глазами, описывал реальные события. Именно в таком виде и варианте мы и знакомимся с ними спустя столетия. А на момент создания и одновременного издания этих произведений на поэта могла обрушиться и цензура, и критика. Могли запретить или настоятельно рекомендовать исправить какие-либо моменты. Пушкин итак был в ссылке, поэтому и поступал таким образом, обезопасив себя и содержание своих сочинений.

Продолжим наше путешествие по лирическим произведениям восточной тематики. Однажды в Кишиневе поэт столкнулся с одной женщиной. Обычная незаурядная внешность восточной жительницы. Но она поразила Пушкина и нашла отражение этих эмоций в стихотворении – послании «К калмычке»:

«Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей

Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног...» [Пушкин: 1986, 445].

Продолжая путешествие, Пушкин однажды стал свидетелем встречи русских казаков. Она была радостной и бурной. Этот момент тоже нашел отражение в поэтических строках:

«Был я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память боев и пиров,
Я привез домой нагайку.
Дома... в тишине
Сохранил я балалайку –
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку...
Что таиться от друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку» [Пушкин: 1986, 463].

В 1827 году А.С. Пушкин создает стихотворение «Соловей и роза», причем название напоминает о популярном «бродячем» сюжете мировой литературы, который чаще всего встречается в восточной лирике [Лотман: 1983, 254]. Однако у А.С. Пушкина сюжет несколько «трансформирован». «Соловей» у А.С. Пушкина олицетворяет поэта, а «роза» - это красота, прекрасное, что скрыто в поэзии. Изображается отношение поэта к поэзии, их взаимосвязь. В стихотворении представлена безответная любовь. Лирический герой, поэт не может понять в чем смысл его существования и, соответственно, творчества. «Розу» еще можно соотнести с русской поэзией,

это особо заметно в последних строках, там где есть «риторические вопросы», которые заставляют читателя задуматься:

«В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты ?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь – нет ответа» [Пушкин: 1986, 395].

В стихотворении, согласно восточной сказке, в частности, азербайджанской, заметим, у этого народа есть песня на данный сюжет, «соловей влюблен в розу, но она не отвечает ему взаимностью». А.С. Пушкин уникально «трансформирует восточный сюжет», обращаясь к постановке важной проблемы, связанной с творчеством. Поэт отдает поэзии всего себя, трудится без устали, но от «безответной любви» со стороны поэзии погружается в состояние печали. Лирического героя волнует вопрос: «В чем предназначение поэта?» и «Действительно ли его служение этой царственной, но надменной и холодной богине – Красоте, необходимо ему самому?» [Лотман: 1983, 261] Однако данные вопросы относятся к разряду вечных.

Развитие сюжета «соловей и роза» обретает философский смысл: А.С. Пушкин задает вопрос: «В чем предназначение поэта?» [Благой: 1979, 324] Стихотворение начинается сказочно, манит своей таинственностью, что обусловлено наличием «риторических вопросов и обращений». Миф о соловье и розе связан с мотивом безответной, несчастной любви. Авторские раздумья о смысле жизни поэта, страхе быть непонятым, предназначении поэта – пушкинская «новация сюжета восточной легенды».

Стихотворение «Делибаш», отражающее впечатления Пушкина, полученные во время поездки в закавказскую армию, действовавшую против

турок, описывает поединок между казаком, вооруженным пикой, и турком, делибашем, вооруженным саблей. Поединок заканчивается одновременной смертью обоих противников:

«Делибаш уже на пике,
А казак без головы» [Пушкин: 1986, 457].

В нем автор говорит о войне, как о страшном зле, где все решается оружием с взаимной ненавистью и бесконечной враждой. Это отчаянное желание «истребить друг друга» мы видим в следующих строчках:

«Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы». [Пушкин: 1986, 457]

Это тематическое стихотворение посвящено русско–турецкой войне. А.С. Пушкин говорит нам о проблемах Кавказа не так, как в 1821-1821 годах: «Черкесы нас ненавидят [И Русские в долгу не остаются].–Мы вытеснили их из привольных пастбищ – аулы их разрушены – целые племена уничтожены»[Аникин: 1997, 85]. Здесь военная тема прослеживается как возвращение домой.

Пушкин якобы был свидетелем описанной в стихотворении сцены, когда участвовал в кавказском походе 1829 года. Однако такое предположение, с нашей точки зрения, не является обоснованным. Если бы Пушкин действительно видел подобную сцену, т. е. одновременную гибель в схватке казака и делибаша, то трудно было бы объяснить, почему он не упомянул об этом в «Путешествии в Арзрум», где описываются военные эпизоды и события даже менее драматичные и эффектные. Но Пушкин, несомненно, не выдумал эту военную картину. Каково же ее происхождение?

С нашей точки зрения, представляется правдоподобным предположение, что Пушкин вспомнил здесь рассказ, давно ему известный, о гибели гетериста Кантагони в 1821 году, «детально переданный» им впоследствии в повести «Кирджали», напечатанной в 1834 году. По рассказу

Пушкина «Кирджали вместе со своими друзьями Кантагони и Сафьяносом участвовали в восстании гетеристов, возглавлявшемся А. Ипсиланти. После поражения при Скулянах группа Кирджали была оттеснена к русской границе, где она отчаянно отбивалась от находившихся в турецких войсках казаков-некрасовцев, вооруженных пиками. Кирджали был ранен, и его переправили к русским за Прут, Сафьянос был убит». О героической смерти Кантагони Пушкин пишет: «Кантагони, человек очень толстый, ранен был копьем в брюхо. Он одной рукой поднял саблю, другую схватился за вражеское копьё, всадил его в себя глубже, и таким образом мог достать саблю своего убийцу, с которым вместе и повалился» [Пушкин: 1979, 130].

Этот трагический образ «пронзенного копьем Кантагони», отсекающего саблей голову казаку, не нашел отражения в черновом варианте «Делибаша» 1829 года, в котором автор выразил лишь предостережение делибашу от гибели на копье и уверенность в победе казака. Картина смерти врагов, казака и делибаша возникает позже и появляется в беловом автографе, помеченном 7 сентября 1830 года. По всей вероятности, просматривая в Болдине свои «кишиневские заметки о Кирджали и греческом восстании», а также свои дневники о военных действиях в Закавказье, Пушкин нашел между этими материалами ряд сходных мотивов (тут и там действуют турки–делибаша, вооруженные саблями, и казаки с пиками в руках) и потому решил воспользоваться «ярким героическим образом одновременной смерти Кантагони» и казака; таким образом он придал большую выразительность и «остроту своему кавказскому стихотворению» [Тартаковская: 1991, 135].

Интересна история создания стихотворения «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла»:

«Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла
Мерцают звезды надо мною —
Мне грустно и легко — печаль моя светла
Печаль моя полна тобою» [Пушкин: 1985, 456].

Существует две версии, в одной из которых употребляется предложение «ночная тень легла», а по другой – «сошла ночная мгла». В итоге поэт пришел к третьему варианту, и мы читаем «идет ночная мгла». Возможно, многие сопоставляют это стихотворение с другим творением поэта «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»:

«На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой...»[Пушкин: 1985, 445]

Эти сочинения абсолютно разные, независимые друг от друга. Оба являются произведениями восточной тематики с явными восточными мотивами:

«Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла
Мерцают звезды надо мною.
Мне грустно и легко, печаль моя светла.
Печаль моя полна тобою.
Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь —
И без надежд, и без желаний,
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний» [Пушкин: 1985, 456].

Данное произведение умело продолжает и заканчивает мысль рассуждения о Востоке, начатую в стихотворении «На холмах Грузии лежит ночная мгла».

Выводы по главе:

Годы южной ссылки А.С. Пушкина и последующее его возвращение на Кавказ сыграли очень важную роль не только в жизни поэта, но и в его творчестве. Окружающая обстановка, живописнейшие пейзажи, климат, восточные жители, дикая красота Кавказа, его культура, традиции, обряды, нравы, религия, литература вдохновляли Пушкина. Они являлись тем целебным глотком жизни, который был так необходим ему, который

волновал не только его воображение, но и умы всей России. Следствием этого стало создание и выход в свет таких шедевров литературы, с абсолютными восточными мотивами, как поэмы «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», стихотворения «Соловей и роза», «Погасло дневное светило...», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла...» др. Пушкин совершает прорыв в литературе, показав народу нового героя – романтического со всеми присущими ему чертами. Мы знаем, что прежде использовался классический персонаж недостаточно достоверный. А тут Пушкин во всей красе представил читателю персонажа с глубокой душой, со своими чувствами, эмоциями, переживаниями, страданиями. В герое каждый мог найти что– то общее с собой, со своим характером. Это и делало романтического героя Пушкина живым и реалистическим. Таким является не только главный персонаж, все образы – реальные и разнообразны, не подчиняются принципу шаблонности. понятны всем., а человеку с Востока – больше всего.

Поэзия А.С. Пушкина «многоцветна», богата настроениями, оттенками чувств. Все стороны жизни человека, многообразие явлений природы и общества влекли к себе пушкинскую музу. Поэта постоянно привлекала «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний» [Челышев: 1999, 32]. Именно эту сторону пушкинского таланта подчеркивал Белинский. Он «прозорливо» видел в нем «поэта всех времен и народов» [Челышев: 1999, 33].

ГЛАВА III. КОРАНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

3.1 А.С. Пушкин и Коран

А.С. Пушкина привлекал Восток со всеми составляющими его элементами. Религия мусульман была для него тайной, к которой хотелось прикоснуться, приоткрыв ее хоть чуть-чуть. Коран был переведен еще в XVIII веке. Этот перевод не был идеальным, потому что не доносил нужной рифмы и мелодии. А.С. Пушкину нравился вариант перевода Корана М. Веревкина. Он не только читает эту книгу, но и изучает ее. Вот что он пишет своему брату: «... я тружусь во славу Корану и написать еще кое-что – лень прислать» [Соловей: 1979, 243]. Невозможно не восхититься мудростью Пушкина, сумевшего разобраться в сложной структуре Корана. Он читал его не на арабском, а в русском переводе с французского! К тому же читал в атмосфере, когда «христианство стало официальной политикой государства».

Ислам и Коран привлекали пристальное внимание великого поэта и гения на протяжении всего творческого пути. На это указывают многочисленные упоминания о них в пушкинских художественных произведениях, письмах и дневниковых записях. Эта религия волновала Пушкина и была его верным источником познания.

Эта книга продолжала оставаться для него образцом культуры, представляя собой настоящий и истинный источник мудрости, кладезь знаний. Он был для поэта эталон восточной литературы.

Очень долго священная мусульманская книга была незримым попутчиком и советчиком А.С. Пушкина. Первоначально это было связано с большим интересом поэта к «африканской ветви» своей родословной.

Нужно отметить, что он всегда гордился своим происхождением, своей родословной, чему посвятил даже отдельное стихотворение «Моя родословная»:

«Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин...» [Пушкин: 1985, 492]

Первый раз Пушкин соприкоснулся со священной книгой во время своего путешествия по Кавказу.

Здесь он воочию увидел многочисленные памятники культуры мусульман, внимательно вслушивался в их молитвы, пристально наблюдал за их поведением как в быту, так и во время совершения религиозных ритуалов. И, самое главное, он размышлял об образе жизни мусульман. «Искреннее и светлое отношение великого поэта к Востоку, исламу и пророку Мухаммаду очень удивляло его современников»[Алексеев: 1987, 314]. «Слог восточный был для меня образцом...» — писал Пушкин своему другу, поэту Денису Давыдову [Кушниренко: 1990, 118].

Друзья и знакомые называли его «апостолом Мухаммада», писали о его арабских предках [Непомнящий: 1996, 113]. Интерес Пушкина к жизни мусульманского Востока значительно вырос после его путешествия на Кавказ. Это время создания поэтом широко известных поэм «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан». Об этом он сообщил в письме из Одессы известному поэту и литературному критику того времени Вяземскому.

Нужно отметить, что прекрасным результатом этого знакомства стало появление в том же году поэтического шедевра–цикла «Подражания

Корану». Литературные произведения в форме подражаний весьма часто встречаются у Пушкина, но в них поэт, как правило, «стремится передать дух подлинника без прямого заимствования» [Забабурова: 1997, 64].

Таковы его подражания Данте, Байрону, Гете. Но, в «Подражаниях Корану» он поразительно точно передает смысловые фразы и моменты Корана. Особенно примечательно то, что Пушкин уделяет этой книге исключительное внимание. Перед нами — целый поэтический цикл из девяти стихотворений. Анализ, проведенный пушкинистами, показал, что поэта привлекали не только поэтические образы Корана, но в значительной степени и его религиозное содержание. Так, в основе первого содержания заложена мысль о промысле Божьем, а источником третьего подражания является идея о взаимодействии Бога и человека, о соблюдении канонов, о соблюдении заповедей, осуждающих кровопролитие, гордость, ложь. Приводится пример о правителе, приравнявшего себя к Богу. Жалобы на Бога и недовольство жизнью также осуждаются в Коране. Все те нравственные истины, о которых говорит Пушкин в своих произведениях, вытекают непосредственно из Корана — это мужественная правдивость, презрение к обману и лицемерию, женская чистота и верность, любовь к сиротам, верование людей в Единого Бога и отношение Творца к своим совершенным созданиям. Впоследствии, цикл стихотворений «Подражания Корану» оказался очень богат, насыщен восточными мотивами с кораническим содержанием. Религиозное начало очевидно.

О «Подражаниях Корану» существует большая специальная литература. «В центре внимания исследователей оказалась тема сопоставления видения этой книги Пушкиным с реальным смыслом, содержащимся в ней.

«Подражания Корану» написаны осенью 1824 года, когда Пушкин, преодолев кризис романтического мировоззрения, 1822–1824, пришел «к пониманию реалистических задач художественной литературы» [Соловей: 1979, 191]. В этом цикле стихотворений поэт с точной достоверностью

изображает культуру Востока, говорит о своем отношении к Корану и его создателю. «Одновременно Пушкин развивает в этом цикле мысли о поэте–пророке и о его важном общественном назначении. Тема эта, глубоко личная для Пушкина, отражает переживания поэта осенью 1824 года, связанные с преодолением кризиса»[Соловей: 1979, 191].

Нужно особо подчеркнуть, что Коран, по существу, стал первой религиозной книгой, заставившей Пушкина впервые серьезно задуматься о Боге, о жизни и смерти, о смысле человеческого бытия: «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Талисман», «Памятник». Можно с уверенностью сказать, что Коран сыграл огромную роль не только в поэтической судьбе, но и в духовном становлении поэта. Именно в нем он нашел совершенно другие источники, вдохновляющие его на создание произведений восточной тематики, нашедшие в дальнейшем отражение во всем творчестве поэта.

«Нужно признать явную и непреклонную истину, что Пушкин, великий поэт, признавал истинность ислама и величие «Священного Корана». Об этом свидетельствуют воспоминания современников поэта, а также многочисленные документальные источники»[Пичхадзе: 1992, 15].

3.2 Восточная тематика цикла «Подражания Корану»

Цикл стихотворений «Подражание Корану» стал результатом накопленных источников восточного направления А.С. Пушкиным, полученных знаний путем его изучения и толкования священной книги мусульман. Мы знаем, что на тот исторический момент было много различных переводов Корана. Поэт тщательно их изучал, но остановился в итоге на переводе М. Веревкина. Именно он показался Пушкину максимально достоверным, с точностью передающим красивый слог языка в Коране.

Коран – поистине настоящая книга мудрости. Считается, что в ней можно найти ответы на все вопросы на всех исторических этапах. Конечно,

эта книга произвела огромное впечатление на Пушкина. Она повлияла на все его сознание, заставила иначе думать, чувствовать, переосмыслить смысл бытия человечества. В совокупности с остальными познаниями в области Востока поэма великолепно отразилась в исследуемом нами цикле, состоящем из девяти подражаний. С самых первых строк мы слышим пленительный восторг Пушкина, несущий читателю особую важность:

«Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:
Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?»[Пушкин: 1985, 321]

В этих строках наблюдается непонятная растерянность поэта или неуверенность. Явны нотки одиночества, потерянности и надежды в совокупности с художественным словом поэта. Коранические мотивы здесь очевидны, но не следует забывать и о фактах биографии Пушкина. Он также, как и его герой-одиночка, вынужден странствовать по свету, будучи изгнанным из дома, привычного места своей жизни. Поэт примеряет на себя определенные выражения Корана, в котором дается надежда каждому, упование на Всевышнего, не оставляющего в горестях, лишениях. Указывается на необходимость помогать нуждающимся. А помогать можно по – разному. Открывать людям глаза на правду, учить их – это тоже благое дело. Пушкин этим и занимался, художественным словом просвещая читателя. Познакомившись лишь с первым подражанием, мы осознаем масштабы содержания Корана, его универсальность и многоаспектность.

Перейдем ко второму подражанию:

«О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:

Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!»[Пушкин: 1985, 321]

В этих строках содержится обращение к женщинам. Мы видим отношение поэта к прекрасным представительницам человечества, в которых хотелось бы видеть невинность, скромность – качества, присущие восточной женщине. В третьем подражании все внимание приковано к пророку:

«Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье:
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.
С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!»[Пушкин: 1985, 322]

Читая эти строки, мы понимаем, насколько важна пророку его миссия просветителя, направляющего сердца людей в нужное направление с помощью Корана, проповедующего силу и мощь этой книги, всемогущество Бога. Дальше продолжает развиваться этот смысл:

«С тобою древле, о всеильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,

На всё подъята длань моя...»[Пушкин: 1985, 323]

В следующем подражании прославляется всевышний со своими благими делами:

«Зажег ты солнце во вселенной,

Да светит небу и земле,

Как лен, елеем напоенный,

В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:

Он правит ветром; в знойный день

На небо насылает тучи;

Дает земле древесну сень...»[Пушкин: 1985, 323]

Мы убеждаемся в всесильности и могущественности Творца, в его человеколюбии и его милосердии.

В седьмом подражании Творец обращается к пророку, наставляя его не забывать о Коране:

«Сердечной молитвой,

Пророк, удали

Печальные мысли,

Лукавые сны!

До утра молитву

Смиренно твори;

Небесную книгу

До утра читай!»[Пушкин: 1985, 325]

В предпоследнем подражании очевидна проповедуемая тема искреннего подаяния, без сожаления и от сердца идущая:

«Торгуя совестью пред бледной нищетою,

Не сыпь своих даров расчетливой рукою:

Щедрота полная угодна небесам.

В день грозного суда, подобно ниве тучной,

О сеятель благополучный!

Сторицею воздаст она твоим трудам...»[Пушкин: 1985, 325]

На протяжении восьми подражаний прослеживается связь со священной мусульманской книгой, обозначены ее заповеди, наставления, поучения. Мы можем провести параллель двух религиозных книг, ислам и христианство, где станет очевидным сходство и общность их содержания.

Очень трудно рассуждать о религии, практически невозможно, руководствуясь логикой, убеждать в справедливости веры. «Потому что очень легко спутать «сердечную» веру с формальным соблюдением обрядов или моральных норм, жить «правильно», хотя и не праведно, и с высоты своей «безгрешности» шагнуть в бездну гордыни, презрения к слабым людям»[Фомичев:1981, 114]. Вот почему ответственность пророка – поэта – за его слова так велика, и прав был Пушкин , отказываясь «воспитывать» читателя. «Восьмое Подражание» и раскрывает «антитезу веры подлинной и формальной», рассчитанной на вознаграждение от Бога. «Коран одинаково осуждает и жадность, и расточительность, потому что и другое свидетельствует о подчинении человека мелочной страсти, либо эгоизму, либо высокомерию, об отсутствии в его душе чистой веры»[Нольман: 1991, 247]. И так точно Пушкин соединяет в одной строке слова, казалось бы, противоположные по смыслу о том, что не надо делать подаяний, не желая того на самом деле.

В последнем девятом подражании снова обозначена всесильность Творца, его праведная власть:

«И горем объятый мгновенный старик,

Рыдая, дрожащей главою поник...

И чудо в пустыне тогда совершилось:

Минувшее в новой красе оживилось;

Вновь зыблется пальма тенистой главой;

Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,

И телом оделись, и рев издают;

И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:

И с богом он дале пускается в путь»[Пушкин: 1985, 326].

Таким образом, Бог наказал странника, сначала умертвив его, а затем воскресив через век. Он указывает человеку на его ошибку и одновременно дает ему шанс, надежду и, главное, веру. Последние строки подражания обладают необъятной силой веры в лучшее, в торжество справедливости.

Пушкину чрезвычайно важна мысль о том, что не формальное выполнение религиозных норм и правил, но глубинное перерождение личности – цель Корана.

Все исследователи единодушны: одно только последнее «подражание» не соответствует Корану. Ни по духу, ни по стилю – лишь сюжетно. Что могло увести поэта от Корана? Ничего, кроме глубоко личных причин. В девятом стихотворении Пушкин описывает свое собственное преображение, в котором «Коран» сыграл важную роль. «Путник усталый» - это сам Пушкин кризисных лет, разочарованный, лишенный надежд, сил»[Соловей:1979, 133]. «Жажда» и «пустыня» - это те самые «духовная жажда» и «пустыня мрачная», которые станут источником преображения и в «Пророке» 1826 года»[Соловей:1979, 136]. В обоих стихотворениях – глас Бога, непосредственно обращающийся к человеку. Завершаются оба стихотворения моментом возрождения. В «Пророке» оно подразумевается по словам Бога. В «Подражаниях Корану» этот момент, кажется, только что свершившимся, развернут в полную, торжественную картину.

Труд А.С. Пушкина поистине колоссален. «Подражания Корану» привлек всеобщее внимание к теме Востока и к Корану.

Мы понимаем, что поэт в «Подражаниях Корану» использовал не все источники, а лишь те, которые особенно тронули его душу. Он хотел донести до человечества хотя бы малое: уважать и любить друг друга, почитать родителей своих, помогать нуждающимся, не обижать обездоленных, не

убивать, не воровать, верить в добро, в истину, не терять надежду, жить в гармонии с собой и с Богом, всемогущим и всемилостивым.

3.3 Интерпретация восточных мотивов в стихотворениях А.С. Пушкина «Пророк» и «Стамбул гяуры нынче славят...»

Восточные мотивы в сочетании с кораническими находят продолжение в стихотворении «Пророк». Оно является произведением позднего периода творчества великого поэта. Это стихотворение представляет собой результат самостоятельного поэтического творчества, навеянного кораническими идеями и образами. Оно стало своеобразной ступенькой взросления Пушкина, воспринимающего предназначение поэта как пророчество людям. В этом стихотворении развивается тема поэта и пророка. Основой этого сознания является Коран. Он продолжает вдохновлять, наставлять и учить мудрости поэта.

У Пушкина свой пророк. Его прототип находится в библейских сюжетах, откуда поэт часто черпал вдохновение. Миссия пророка особая. В начале стихотворения мы перемещаемся в прошлое. откуда и берет начало эта история:

«Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...»[Пушкин: 1985, 385]

Место действия разворачивается в пустыне, что уже необычно для повествования этого времени. Пушкин трансформировал известный библейский сюжет по-своему, используя точные выражения и подбирая нужные слова и исконно русского происхождения, восточного. В следующих строках мы снова видим могущество Бога, наказывающего пророка за совершенный им грех:

«И он к устам моим приник,

И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул...»[Пушкин: 1985, 385]

Здесь явно сходство с «Подражаниями Корану». Пушкин продолжает эту мысль уже в стихотворении «Пророк». Бог умиряет пророка, напоминает ему о его предназначении помогать людям, проповедовать правду, истины Корана:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»[Пушкин: 1985, 385].

В этом знаковых строках опять же продолжается мысль, берущая начало в «Подражаниях Корану» о функции поэта и о его значении для всего человечества.

Рассмотрим следующее стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...» Оно занимает также важное место в творчестве Пушкина. Основой сюжета, безусловно, является Восток и восточные вопросы, остро стоящие тогда на политической арене. Поэт продолжает виртуозно переплетать исторические моменты с восточными мотивами, которые очень ювелирно оправлены им и очевидны читателю.

Для Пушкина восточные мотивы, выраженные в деталях, самых мелких элементах, стали частью его жизни, наполнив мысли и чувства. Религиозные книги двух культур волновали поэта. Он вновь и вновь обращался к этой

теме. Восток был для него не просто новой страной, а содержал в себе нечто большее.

Для мусульман молитва – не простой ритуал, это часть образа их жизни. С молитвой они просыпаются и засыпают, с молитвой проводят весь день. В стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...» мы наблюдаем такие строки – «выдержаны в духе воинствующего ислама, хотя Коран не является их непосредственным источником» [Листов: 2000, 11]. В Коране сказано: «Сегодня я завершил для вас вашу религию, и закончил для вас Мою милость, и удовлетворился для вас исламом как религией» [Листов: 2000, 19]. В этом произведении связь сюжета с Кораном также отмечал Д.В. Еремеев: «Отход от запрета на вино в мусульманских странах отмечали и европейские путешественники. Так, А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» пишет, что «в столице Османской империи отошли от многих канонов ислама, в частности касающихся винопития. Он сочинил по этому поводу стихи, вложив их в уста янычарского поэта» [Мейлах: 1990, 347].

В начале стихотворения повествуется о молитве, которую позабыли люди, отрекаясь таким образом от традиций своей культуры:

«Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.
Там веры чистый луч потух:
Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух...» [Пушкин: 1985, 483]

Люди не выполняют главнейший закон Корана: «Те же, которые уверовали, и творили благое, и выстаивали молитву, и давали очищение, – им их награда» [Пушкин: 1986, 385].

Как мы знаем, мусульмане обращаются к молитве в нужное время:
«Застигнет ли нежданно полдня час,

Он по закону совершит намаз,
Вечерний же и утренний давно
Он перепутал – и немудрено!» [Пушкин:1986, 385]

Священная книга предупреждает: «О вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны...» [Листов: 2000, 43]. Ведь она является ритуалом всегда: и когда мир на земле, и когда война. «И когда ты находишься среди них и совершаешь молитву, то пусть стоит вместе с тобой один отряд из них, и пусть они возьмут свое оружие. А когда совершат поклонение, то пусть будут позади вас, и пусть придет другой отряд, который не молился, и пусть они молятся вместе с тобой, пусть возьмут предосторожность и оружие»[Листов: 2000, 44]. Такое помутнение разума, как пьянство, безусловно, мешало совершению и обряда молитвы со всеми ритуалами, и в совершении военных действий против людей другой веры. немусульманской. Эти реалии отразились в полной мере в следующих строках:

«Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы» [Пушкин:1986, 483].

А.С. Пушкин хотел указать на пагубное влияние Запада на Восток, чистый и непорочный, со своими древними священными традициями. Мы также знаем, что горцы, народы Востока никогда не были противниками алкоголя, напротив, были любителями и ценителями этого напитка, но тогда, когда это не перечит вере и в меру.

Поэт имеет ввиду не только запрет употреблять алкоголь, но и сложную территориальную ситуацию. Ведь эта продукция привозилась и стоила очень дорого.

Кроме этого, торговали вином люди разной веры, и христиане, и иудеи. Отодвигая на задний план те традиции верования. в которых четко издавна указано о приравнении вина к крови человека.

Дальше приводится сопоставление с прежними традициями, которые соблюдались и были свято—чтимыми:

«Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистойой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят...»[Пушкин: 1985, 484]

Эти строки характеризуют настоящее лицо истинного мусульманина. В продолжении стихотворения мы встречаем имя всевышнего, о котором упомянуто так: «Вводит Он, кого пожелает, в Свою милость, а обидчикам приготовил Он наказание мучительное» [Пушкин: 1986, 484].

Приходим к выводу, что в этом произведении есть образ истинного мусульманина, которого выгнали из дома из—за его попытки наставить народ на путь истинный и праведный. И эта мысль находит подтверждение в тексте:

«Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар»[Пушкин: 1986, 484].

Этот посланник не просто пришел, его направил Аллах с целью достучаться до разума людей и заставить их одуматься, оглянувшись на своих предков и историю своей страны: «Повинуйтесь Аллаху и посланнику! А если отвернетесь ... то ведь Аллах не любит неверных!» [Пушкин: 1986, 483]

Подведем итог, в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят..» связь со священной книгой Коран очевидна.

Выводы по главе:

А.С. Пушкин открыл нам загадочный мир Востока в своих замечательных произведениях. Испытывая потребность рассказать о своем

духовном обновлении в связи с преодолением кризиса, развить по-новому традиционную для русской поэзии мысль о поэте–проповеднике и его важном общественном назначении, Пушкин обратился к «Корану». Мотивы этой «небесной книги» действительно оказались хорошим материалом для решения поставленной задачи. Однако обращение к «Корану» отнюдь не явилось «только предлогом для разработки собственных лирических тем» [Соловей: 1979, 142].

Осознав реалистические задачи литературы, Пушкин стремился также передать особенности склада характера арабов, какими они выступали в таком важном памятнике арабской культуры, как «Коран» [Соловей: 1979, 142].

Сущность новаторства А.С. Пушкина в «Подражаниях Корану» именно в этом плане в общей форме обобщена: «Подражания Корану – это уже реалистическое воссоздание восточной культуры» [Соловей: 1979, 142]. «Сами изображаемые люди – это объективные, вне поэта и вне читателя реально существующие люди» [Соловей: 1979, 142].

Проанализировав цикл стихотворений «Подражания Корану», мы с уверенностью говорим о его связи со священной книгой Коран. В этом цикле обозначены заповеди, наставления, поучения этой книги мудрости. Мы можем провести параллель двух религиозных книг, ислам и христианство, где станет очевидным сходство и общность их содержания.

Стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» и «Стамбул гяуры наши славят...» также построено на канонах Корана. Сопоставление этих произведений с религиозной книгой объединено стилистическим единством библейско-коранической образной символики [Соловей: 1979, 143].

Цикл стихотворений «Подражания Корану» и «Пророк» – показатели мастерства и виртуозного умения применять полученную и трансформированную информацию в своем творчестве. В стихотворении «Пророк» продолжается мысль, берущая начало в «Подражаниях Корану» о функции поэта и о его значении для всего человечества.

Это совершенно независимые сочинения, но объединенные одной темой пророчества, выраженной через восточные мотивы.

Труд А.С. Пушкина поистине колоссален. «Подражания Корану» привлек всеобщее внимание к теме Востока и к Корану.

Мы понимаем, что поэт в «Подражаниях Корану» использовал не все источники, а лишь те, которые особенно тронули его душу. Он хотел донести до человечества хотя бы малое: уважать и любить друг друга, почитать родителей своих, помогать нуждающимся, не обижать обездоленных, не убивать, не воровать, верить в добро, в истину, не терять надежду, жить в гармонии с собой и с Богом, всемогущим и всемилостивым.

Заключение

Часть истории России XIX века, к сожалению, являются очень печальные и драматические события. Рассмотрев внешний географический и политический аспект деятельности России этого времени, нетрудно понять, что в приоритете страны был обозначен «восточный вопрос», являясь главным, волнующим многие умы.

Восток для русских авторов стал особой категорией, которая помогла органично воспринять «чужую» культуру, но не утратить при этом национальных корней. Образ Родины во многих случаях становится неотъемлемой частью их поэтического мира.

Интерес А.С. Пушкина к Востоку рос с его детства, постепенно развиваясь и выражаясь в творчестве поэта. немаловажным фактом также является развитие востоковедения в это время, увеличивающееся количество различных публикаций восточной тематики, переводов с «восточных» языков и стихотворений восточных поэтов, и священной книги Коран, словарей. Все это способствовало развитию интереса Пушкина к Востоку и выражению в его творчестве. Также не забываем о генетических корнях о связи с Африкой в лице И. Ганнибала и о влиянии книги сказок «Тысяча и одна ночь».

Политическая ситуация на Кавказе, взаимоотношения России с мусульманскими народами, географическое соседствующее положение с Востоком – есть исторические факты. А они, как известно, вызывают постоянный интерес, а не временную тягу. А.С. Пушкин пытался помочь двум совершенно непохожим нациям найти общий язык и научиться жить, наконец, в мире.

В первой половине XIX века интерес к Востоку был огромен и у поэтов, писателей, словесников той поры, и у читателя. Как мы знаем, Восток напрямую ассоциировался с Кавказом. В начале всех драматических событий на Кавказе он казался страшным, грозным. Его боялись, потому что он был

непредсказуем во всем. Воинственные, жестокие, бездушные горцы – такая складывалась картина видения у читателя. Но замечательный русский великий поэт А.С. Пушкин развеял этот миф, показав дикую и живую красоту этого края и людей, населяющих его.

Мы убедились в том, что интерес к Востоку возник у поэта очень рано и выразился также уже в раннем творчестве. Крутой перелом в его жизни связан с южной ссылкой 1820 года. В это период создавались настоящие шедевры русской литературы. Пушкин был первооткрывателем мира Востока в художественном слове. Его творчество, содержащее восточные мотивы, было для его коллег по цеху определенным примером, образцом работы этого направления.

Неудивительно поэтому, что его романтический герой со своим свободолюбием, стремительным характером, горячностью, частично живущий мечтами, мысля заоблачно, но проявляющий смелость и отвагу в стрессовых ситуациях, пришелся читателю по душе.

При этом нередко у поэтов современников возникала общность лексики и сходство образной сферы. Это обстоятельство заставило нас тщательнее рассмотреть произведения А.С. Пушкина, посвященные Кавказу и Востоку, исследуя в них восточные мотивы.

Восток всегда привлекал А.С. Пушкина, находя выражение и личное мнение поэта в замечательном творчестве. Он развивался и вырос, представив взору читателя такие произведения, как «Подражания Корану», «Пророк».

Пушкин положил начало развитию романтического стиля в русской литературе. Первым опытом воплощения этого стиля стали произведения, создаваемые им в южной ссылке и при повторном путешествии по Черноморскому побережью. Познакомившись с Кораном, изучив его составляющие, он смог донести эти знания читателю.

Испытывая потребность рассказать о своем духовном обновлении в связи с преодолением кризиса, развить по-новому традиционную для

русской поэзии мысль о поэте-проповеднике и его важном общественном назначении, Пушкин обратился к «Корану». Мотивы этой «небесной книги» действительно оказались хорошим материалом для решения поставленной задачи. Однако обращение к Корану отнюдь не явилось «только предлогом для разработки собственных лирических тем» [Соловей: 1979, 142]. Осознав реалистические задачи литературы, Пушкин стремился также передать особенности склада характера арабов, какими они выступали в таком важном памятнике арабской культуры, как Коран [Соловей: 1979, 142].

Эстетическое обогащение русской литературы через обращение к восточным художественным традициям и изображение жизни Востока стало примечательной чертой литературной эпохи. Эта тема нередко подвергалась художественному исследованию как в русской, так и в национальных литературах. Обращение к ней болезненно, но вполне логично и объяснимо, так как исторические реалии и ситуации, легшие в её основу, имеют тенденцию к повторению.

По словам В. Г. Белинского, Кавказу суждено было стать колыбелью русской поэзии [Непомнящий: 1996, 163]. «Ключи от замков Кавказа» оказались в руках великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина [Непомнящий: 1996, 163]. И он неторопливо, как хороший мастер, открыл тайны этого благодатного края, превзошел не только свое поколение, но и до сих пор остается недостижимым даже для нас людей, живущих через 220 лет после него. Поэтому я считаю, что наследие Пушкина необходимо не только изучать, но понимать его и руководствоваться теми истинами, что изложены в нем, особенно такими актуальными, как взаимоотношения между мусульманами и славянами.

Библиографический список

1. Айрапетов, О. Р. Взгляды А. С. Пушкина на восточную политику России XVIII – начала XIX в./ О.Р. Айрапетов // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1988. – № 2. – С. 64-68.
2. Алексеев, М. П. Пушкин и мировая литература / М.П. Алексеев. – Л.: Наука, 1987. – 616 с.
3. Аникин, А. Пушкин и современность: Социально-экономические и политические аспекты/ А. Аникин // Свободная мысль. – 1997. – № 6. – С. 85-93.
4. Атаханов, Д. Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина: автореф. дис... кан. фил. наук/ Д. Атаханов. – Душанбе, 2000. – 24 с.
5. Белкин, Д. И. Мир Востока на страницах пушкинского «Современника» Д.И. Белкин // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 194-218.
6. Белкин, Д. И. Пушкин и Восток. Конференция в Москве/ Д.И. Белкин // Вестник АН СССР. – 1974. – № 10. – С. 105-107.
7. Белкин, Д.И. О комментариях к стихам «Стамбул гяуры нынче славят...» / Д.И. Белкин// Болдинские чтения. – Горький: Волго-вятское кн. изд-во, 1983. – С. 129-128.
8. Белова, К. А. Из истории переводов Пушкина в Турции/ К.А. Белова // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 82-95.
9. Благой, Д. Социология творчества Пушкина. Этюды/ Д. Благой. – М.: Кооперативное изд-во «Мир», 1931. – 320 с.
10. Благой, Д.Д. Душа в заветной лире/ Д.Д. Благой. – М.: Советский писатель, 1979. – 624 с.
11. Брагинский, И.С. Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения/ И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1974. – 496 с.

- 12.Вашкевич, В. «Руслан и Людмила» – ключ к истории русской мысли/ В. Вашкевич // Молодая гвардия. – 1994. – № 9. – С. 179-195.
- 13.Виноградов, В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка/ В.В. Виноградов. – М.; Л.: Academia, 1935. – 457 с.
- 14.Гаджиев, А.Дж. Ориентальная антропонимика в творчестве Пушкина и его современников / А.Дж. Гаджиев // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 156-163.
- 15.Гамзатов, Г.Г. А.С. Пушкин и Кавказ: некоторые наблюдения и суждения / Г.Г. Гамзатов// Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 1996. – № 4. – С. 73-77.
- 16.Глухов, В.И. От «Путешествия Онегина» к «Путешествию в Арзрум» / В.И. Глухов// Документальное и художественное в литературном произведении. – Иваново, 1994. – С. 34-48.
- 17.Григорович-Барский, В.Г. Странствования по святым местам Востока (с 1723 по 1747 г.) / В.Г.Григорович-Барский; Союз писателей России; подгот. текста к переизданию В.В. Павленко; отв. ред. Г.С. Баранкова. – М.: Ихтиос, 2005. – Ч. III. – 349 с.
- 18.Долинина, А.А. Поэма о справедливой мести / А.А. Долинина// Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 13-52.
- 19.Забабурова, Н.В. Пушкин и Коран/ Н.В. Забабурова // Науч. мысль Кавказа. – Ростов н/Д., 1997. – № 1. – С. 64-79.
- 20.Кибальник, С.А. Тема изгнания в поэзии Пушкина/ С.А. Кибальник // Пушкин: исследования и материалы. – Т. XIV. – Л., 1991. – С. 33-50.
- 21.Кошелев, В.А. Историческая оппозиция «Запад – Восток» в творческом сознании Пушкина/ В.А. Кошелев // Русская литература. – 1994. – № 4. – С. 3-16.
- 22.Кушниренко, В.Ф. «В стране сей отдаленной...»: (Летопись жизни А. С. Пушкина в Бессарабии и связанных с ним событий с 20 сент. 1820 г. по 16 июля 1824 г.) / В. Кушниренко. – Кишинев : Лит. артистикэ, 1990. – 327 с.

23. Левкович, Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина/ Я.Л. Левкович. – Л.: Ленинградское отделение «Наука», 1988 . – 328 с.
24. Листов, В.С. К истолкованию стихотворения Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...» / В.С. Листов// Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. – Т. 55.– № 26. – С. 41-46.
25. Листов, В.С. Новое о Пушкине. История, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта / В.С. Листов. – М.: Стройиздат, 2000. – 454 с.
26. Лотман, Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя/ Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1983. – 254 с.
27. Мейлах. Б.С. «...сквозь магический кристалл...»: Пути в мир Пушкина/ Б.С. Мейлах. – М.: Высшая школа, 1990. – 399 с.
28. Мирхайдарова, Н.Х. Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина Н.Х.Мирхайдарова // Молодой ученый. – 2016. – № 2. – С. 913-915. – Электронный ресурс. – Режим доступа: URL <https://moluch.ru/archive/106/25093/>
29. Мурьянов, М.Ф. О стихотворении Пушкина «Напрасно я бегу к сионским высотам»/ М.Ф. Мурьянов // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 164-180.
30. Непомнящий В.С. Удерживающий теперь: (Феномен Пушкина и исторический жребий России) / В.С. Непомнящий// Новый мир. –1996. – № 5. – С. 162-190.
31. Нольман, М. Пушкин и Саади (к истолкованию стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») /М. Нольман // Русская литература. – 1965. – № 1. – С. 123 - 134.
32. Нольман, М.Л. Саади и Цицерон? Об одной необоснованной замене/ М.Л. Нольман // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 219-277.

33. Парсамов, В. С. О стихотворении Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» / В.С. Парсамов // АРТ: (Альманах исследований по искусству). – Саратов, 1993. – Вып. 1. – С. 165-176.
34. Пичхадзе, А.А. «Подражания Корану»: Источники и ассоциации/ А.А. Пичхадзе, А.А. «Подражания Корану»: Источники и ассоциации // Русская речь. – 1992. – № 1. – С. 15-18
35. Потапова, Г.Е. А.С. Пушкин и русская критика его времени: (становление литературной репутации А. С. Пушкина): автореф. дисс... канд. филол. наук / Г.Е. Потапова; РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). – СПб., 1994. – 20 с.
36. Пушкин в странах зарубежного Востока: сборник статей. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 230 с.
37. Пушкин, А.С. Сочинения: в 3 т. – Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – М.: Худож. лит., 1985. – 735 с.
38. Пушкин, А.С. Сочинения: в 3 т. – Т.2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. – М.: Худож. лит., 1986. – 527 с.
39. Пушкин, А.С. Сочинения: в 3 т. – Т.3. Проза. – М.: Худож. лит., 1987. – 528 с.
40. Розенфельд, А.З. Проза Пушкина на персидском языке: (переводы «Капитанской дочки») /А.З. Розенфельд// Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 53-62.
41. Россия и Восток. Проблемы взаимодействия. Тезисы докладов III международной научной конференции. – Часть IV. Русская литература и Восток. – Челябинск, 1995. – 352 с.
42. Сафа Махмуд, Альван. А.С. Пушкин в новой арабской литературе / Сафа Махмуд, Альван // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 63-81.
43. Соловей, Н. Я. Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина / Н.Я. Соловей// Пушкин в странах зарубежного Востока. – М., 1979. – 324 с.

44. Сперанская, Н.М. Первая международная пушкинская конференция «Пушкин и мировая культура»/ Н.М. Сперанская // Русская литература. – 1991. – № 4. – С. 235-244.
45. Старк, В.П. Жизнь с поэтом: в 2 т / В.П. Старк. – СПб.: Вита Нова, 2005.
46. Строганов, М.В. О роли предания в исторических сочинениях Пушкина/ М.В. Строганов // Российский литературоведческий журнал. – М., 1996. – № 8. – С. 23-31.
47. Судоргина, Т. Потомки А. С. Пушкина на Оренбуржье / Т. Судоргина // Любовь и Восток. – М., 1994. – С. 97-102.
48. Сурова, Е.Ю. Поэзия Пушкина на языке хинди / Е.Ю. Сурова // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 22-52.
49. Тартаковская, Л.А. «Путешествие в Арзрум»: художественное исследование Востока/ Л.А. Тартаковская// Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 131-155.
50. Творчество Пушкина и зарубежный Восток: сборник статей. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. – 229 с.
51. Томашевский Б.В. Примечания /Б.В. Томашевский // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Т. 2. Стихотворения, 1820-1826. – Л., 1977. – С. 355-394.
52. Томашевский, Б.В. Пушкин: работы разных лет/ Б.В. Томашевский. – М.: Книга, 1990. – 672 с.
53. Тынянов, Ю. Н. Пушкин / Ю.Н. Тынянов// Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1969. – С. 122- 165.
54. Фоменко, И. В. О жанре «Подражаний Корану»/ И.В. Фоменко// Пушкин: проблемы поэтики : сборник науч. трудов. – Тверь, 1992. – С. 4-16.
55. Фомичев, С.А. «Подражания Корану»: генезис, архитектоника и композиция цикла //Временник пушкинской комиссии. – Л., 1981. – С. 30-39.

56. Франк, С. «Религиозность Пушкина»/ С. Франк// Пушкин в русской философской критике: конец XIX века – первая половина XX века. – М., 1990
57. Франк, С. Л. Пушкин как политический мыслитель/ С. Франк // Франк С. Л. Этюды о Пушкине. – М.: Согласие, 1999. – С. 34-76.
58. Цивелев, А. А. Влияние Востока на культуру и поэзию России/ А.А. Цивелев // Молодой ученый. – 2010. – № 9. – С. 236-241.
59. Челышев, Е. П. Чудо Пушкина/ Е.П. Челышев // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 3-12.
60. Челышев, Е.П. Постигание русского национального гения/ Е.П. Челышев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. 1 . – М. : Без изд., 1999. – С. 32-44.
61. Черкасский, Л.Е. «Цыганы» А. С. Пушкина на Востоке/ Л.Е. Черкасский // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 113-130.
62. Шаврыгин, С.М. «Путешествие в Арзрум»: (Пушкин – Грибоедов – Шаховской)/ С.М. Шаврыгин // Проблемы современного пушкиноведения: сб. статей. – Псков, 1996. – С. 37-51.
63. Эйдельман, Н.Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...»: (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст)/ Н.Я. Эйдельман. – М., 1990. – 318 с.
64. Яцковская, К.Н. Поэзия и проза А.С. Пушкина на монгольском языке (переводы Ц. Дамдинсурэна, Д. Нацагдорджа)/ К.Н. Яцковская // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – М., 1991. – С. 96-103.

Приложение

Юбилейное мероприятие, посвященное 220-летию со Дня Рождения А.С. Пушкина «Удивительный мир сказок»

Цель. Развивать познавательный интерес к сказкам А.С. Пушкина.

Задачи:

- показать детям удивительный мир сказок, их мудрость и красоту.
- развивать умение разгадывать сказки;
- привлекать детей к разыгрыванию сценических диалогов;
- формировать коммуникативные качества;
- воспитывать чувство любви, уважения к творчеству детских писателей.

Предварительная работа: чтение сказки А.С.Пушкина, слушание их в грамзаписи. Беседа о жизни поэта в детские годы, заучивание стихотворений. Рассматривание иллюстрации к сказкам А.С. Пушкина, рисование по сказкам А.С. Пушкина, совместная работа с родителями - рисование иллюстраций к сказкам А.С.Пушкина.

Материалы: Декорация сказки «У лукоморья дуб зеленый»; на видном месте — портрет А. С. Пушкина, на мольбертах — иллюстрации к его сказкам, выставка книг со сказками, конверт с письмом; предметы, спрятанные заранее, по сказкам Пушкина: зеркало, яблоко, невод, рыбка, петушок, белочка, орешки в мешочке, месяц, бочка, корыто, веретено, лук со стрелой, цепь; рыбки- за правильные ответы; сладкие медальки для награждения.

Ведущий: Добрый день, дорогие ребята! Мы очень рады видеть вас сегодня на нашем мероприятии, посвященном 220-летию со Дня Рождения замечательного великого поэта, писателя, сказочника А.С. Пушкина! Это имя известно во всем мире. Произведения этого человека переведены на многие иностранные языки. Они любимы и востребованы! Все мы их хорошо знаем!

(Звучит лирическая музыка, на экране слайды с изображением портрета

А.С. Пушкина, выходит мальчик и девочка)

Мальчик: Ребята! Сегодня мы поговорим о русском поэте, писателе А.С. Пушкине. Посмотрите на его портрет. Поэт родился 6 июня 1799 года в Москве. Это значит, что в этом текущем году исполняется 220 лет со дня его рождения. Маленький Александр рос в Немецкой слободе в небогатой дворянской семье, воспитывался французами-гувернерами. Он рано выучился читать и уже в детстве начал писать стихи, правда, по-французски. Отец Сергей Львович, был майором в отставке. Мать Пушкина, Надежда Осиповна, Она родила троих детей: у Александра Сергеевича были брат Лев и сестра Ольга. Саша жил в большой семье. Семья Пушкиных принадлежала к самой образованной части общества, и в их доме собирались поэты, художники, музыканты. В доме у них было очень много книг. Отец Саши очень любил читать и писал стихи. Саша тоже начал писать стихи очень рано – в три года.

Девочка: Но мы с вами знаем, что Александр Сергеевич Пушкин писал не только стихи. Он написал ещё и сказки. Сказки он любил с детства. Арина Родионовна-это няня А.С. Пушкина знала много сказок и очень хорошо их рассказывала. Арина Родионовна брала в руки вязанье, садилась, и начиналась сказки. Эти сказки маленький Саша мог слушать подолгу. Но когда он вырос, он не забыл свою няню: он написал о ней стихотворение «Буря мглою небо кроет... » и, когда приезжал домой, обязательно слушал сказки и рассказы своей старенькой няни. А.С. Пушкин любил рисовать и часто рядом со стихами он рисовал пером. Прошло много лет с того времени, когда жил великий поэт. Но его стихи не забыты. Его помнят и любят не только в нашей стране, но и во всём мире. Его именем названы город, станция метро, улицы, площади. В Казани, в самом центре города стоит памятник поэту. Создан музей Пушкина. Александра Сергеевича Пушкина знают не только в нашей стране. Он известен всему миру.

Чтение стихотворения «У лукоморья дуб зеленый»

Ведущий:

Сегодня волшебство случится-

К нам в гости сказка постучится.

Любимые герои в тот же час придут,

Когда ребята разгадку найдут.

Ребята, любите ли вы сказки? Хотите вместе со мной отправиться в сказочную страну? Тогда – в путь! Посмотрите, какое большое дерево! Кто знает, как оно называется?

Дети. Дуб!

Ведущая: Верно, дуб. Но дуб не обычный! Посмотрите: на нём есть цепь, на ветвях сидит русалка, у подножья стоит сундук с золотом. Какой поэт описал именно этот дуб?

Дети: Александр Сергеевич Пушкин.

Ведущая: Конечно, Александр Сергеевич Пушкин. Скажу вам по секрету, что дерево это не простое, а волшебное. Смотрите, под дубом лежит конверт. Давайте вскроем его и прочитаем, о чём там написано!(Ведущая читает письмо, адресованное детям. В нём написаны слова – заклинания, с помощью которых можно оживить всех сказочных героев.).

Ведущая: Ну что, ребята, рискнём? Будем оживлять героев?

Дети: Да!

Ведущая: Итак, произносим все, слова – заклинания: «У лукоморья дуб зелёный, Златая цепь на дубе том...» (Из-за леса выходят ожившие герои Баба-яга и Кот).

Кот: Однако куда же я попал? Да, никак в сказочную страну! Ай да мяу, ай да я! Слава Коту Учёному! Мур-р! (Обращаясь к детям.) А вы, почему меня не хвалите? Думаете легко попасть из Лукоморья, да прямо к вам? Это не каждому коту под силу! У меня получилось, потому что я самый учёный кот на свете!... Здравствуйте! Мяу-мур-р!

Баба Яга: Ой, сколько упитанных мальчишек и девчонок! Да какие чистенькие, да какие нарядные! Ох, как я долго до вас добиралась, сколько

препятствий преодолела! Да, видно, не зря! Чуюло моё сердце, что здесь большой праздник ожидается! А где праздник, там и приключения! Ох, чую, чую носом своим – приключения! А, и ты здесь, Кот Учёный! Видно рассказываешь ребятам свои лукоморные сказки?

Кот: Да, я уже давно здесь! Хочу пригласить девчонок и мальчишек этого детского сада в путешествие по сказкам Пушкина. Прошёл слух в нашей сказочной стране, что очень уж хорошо они знают эти сказки. Вот я и хочу проверить, правда ли это.

Ведущий: Ой, ребята, посмотрите, к нам из сказки пришли не только Баба-Яга и Кот ученый, но и сказочные герои.

Баба Яга: Ну, что же, давай, пригласим всех ребят в путешествие по сказочной стране Лукоморья. Сейчас узнаем, в какой команде самые умные и находчивые ребята, кто из них лучше знает сказки Пушкина (обращается к Коту). Кот, ты ведь у нас учёный. Объясни-ка нам, что за листочки на дубе висят.

Кот: Эти листочки не простые, а волшебные: на каждом из них есть задание для ребят.

Баба Яга: Ну что, ребята, готовы? Команды в сборе. (Кот срывает листок с дуба и читает первое задание).

Кот: Чтобы в сказку нам попасть – нужно очень много знать. А какие сказки А.С.Пушкина вы знаете? (Дети перечисляют названия известных им сказок). Чья команда назовет больше сказок, получают силуэт Золотой рыбки.

Баба Яга: Ну, вижу, что умные! Но это лёгкое задание было, вот вы и победили! Давайте-ка поиграем. Игра «Найди то, не знаю что» (Условия игры: членам команд предлагается найти в зале все атрибуты, относящиеся к сказкам Пушкина. Предметы спрятаны заранее. Это зеркало, яблоко, невод, рыбка, петушок, белочка, орешки в мешочке, месяц, корыто, веретено, цепь). После того, как все предметы найдены, каждая команда кладёт предмет в

свою корзину, и называют сказку, к которой он относится. Команда, набравшая больше предметов, и получает силуэт Золотой рыбки.

Баба Яга: Подумаешь, сказки назвали! Давай-ка Кот, срывай следующий листок. (Кот срывает листок и читает третье задание).

Игра «Там на неведомых дорожках»: *Условия игры: команды передвигаются по следам (разложены Б. Ягой и Котом) к дубу. Наступая на след, ребёнок должен назвать любую строчку или несколько слов из произведения А.С. Пушкина.*

Кот: Молодцы ребята! Знают произведения великого поэта. Сразу видно, что воспитатели, мамы и папы им много читают. Смотрите-ка, какой необычный лист висит на нашем дубе! (Срывает лист.) И знак на нём какой-то интересный!

(На листе нарисован скрипичный ключ. Дети вместе с Котом рассматривают знак).

Баба Яга: Что-то я никак в толк не возьму: что этот знак обозначает? Может ребята знают?

Дети: Это же скрипичный ключ!

Кот: Какой такой ключ? Какую он дверь открывает?

Дети: Это музыкальный знак, и открывает он дверь в мир музыки!

Кот: Верно, верно! Этот знак нам напоминает, что мы должны танцевать под музыку.

Баба Яга: Кто не любит скучно жить – просим в круг выходить?

Музыкальная игра «4 шага вперед, 4 шага назад»

Кот: Ну, потанцевали – пора и отдохнуть! Баба Яга срывает с дуба новый лист и объявляет детям следующие задания.

Игра «Сказочные последовательности»

1. На мольберте выложены картинки с изображением насекомых из «Сказки о царе Салтане». Дети должны разложить их в «сказочной» последовательности: князь Гвидон с начало превратился в муху, потом в комара и, наконец, в шмеля.

2. На мольберте выложены картинки с изображением месяца, солнца и ветра. Дети должны расставить их в той последовательности, в которой встретил Царевич.

Пока Кот вручает силуэт Золотой рыбки команде –победителям. Баба Яга идёт к дубу и поднимает какой-то свёрток.

Баба Яга: Ой, что же я наделала! Ой, что случилось! Да что же теперь будет? Да кто же мне, старой бабушке, поможет?

Кот: Что случилось, Баба Яга?

Баба Яга: Да вот, несла я ребятам картинки показать, а они рассыпались! Ой, рученьки мои дырявые! Ой-ой-ой!

Кот: Да что ты расстроилась, бабуся, ребятки у нас умные – они твоему горю в два счёта помогут! Верно, ребята?

Игра «Собери картинку» (Условия игры: каждая команда должна собрать разрезную картинку с иллюстрацией из сказки А.С. Пушкина (по типу мозаики). Побеждает та команда, которая сделает это быстрее и назовёт её название.

Баба Яга. Ай, какие ребята молодцы! Всё выполнили правильно! За свои 600 лет жизни я ещё не видела ребят умнее да смекалистее!

Кот: Ну, Яга, проиграли мы с тобой! Думали, обхитрим кого-нибудь из детей да забрели к себе в Лукоморье, Так весело мы с ними время провели! Так подружились, что не хочется и обратно возвращаться.

Баба Яга: Вот ты, Кот, вроде бы и умный, и учёный, а не догадываешься, что нужно подсчитывать золотых рыбок и узнать, какая команда победила. (Баба Яга и Кот подсчитывают вслух силуэты золотых рыбок и определяют команду –победителей если счёт равный, то награждаются обе команды).

Баба Яга: Кот, а зачем же мы будем награждать таких умных, одарённых, шустрых, сообразительных, а главное – любящих сказки ребят?

Кот: Да погоди ты, старая, причитать! Давай заглянем в сундучок с золотом, который стоит под дубом, может быть, и найдём там что-нибудь!

(Баба Яга с Котом открывают сундук и находят в нём комплект шоколадных медалей).

Баба Яга и Кот (вместе): До свидания! До сказочных встреч!

Показ фрагмента из сказки «Сказка о золотой рыбке»